

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**
КЛАССИКА КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

БЫТЬ ЖЕРТВОЙ

**ПРИРОДА
СЕКСУАЛЬНОГО
НАСИЛИЯ**

**ЮРИЙ
АНТОНЯН**

Человек преступный. Классика
криминальной психологии

Юрий Антонян

**Быть жертвой. Природа
сексуального насилия**

«Алгоритм»

2017

УДК 343.9
ББК 67.51

Антонян Ю. М.

Быть жертвой. Природа сексуального насилия /
Ю. М. Антонян — «Алгоритм», 2017 — (Человек
преступный. Классика криминальной психологии)

ISBN 978-5-906979-62-9

«Она сама виновата, кто ее просил в юбке вечером по городу ходить!» – именно эту фразу чаще всего слышат следователи на допросе маньяков и насильников. То же можно услышать и от самых обычных людей безо всяких признаков психического расстройства. Есть ли в этом высказывании доля правды? Как ведет себя потенциальная жертва? А как ведет себя человек, склонный к насилию? Кто идет на такие преступления: больные, доведенные до крайней степени отчаяния и стресса или, может, самые обычные и трезвомыслящие люди? Ответ вас удивит... Книга классика современной криминалистики и юридической психологии расскажет все о природе насилия.

УДК 343.9
ББК 67.51

ISBN 978-5-906979-62-9

© Антонян Ю. М., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава I	10
Что об этом известно в криминологии	10
Сексуальное насилие как решение важнейшей жизненной задачи	20
Парафилии и их роль в сексуальном насилии	28
Сексуальная агрессия: от животного к человеку	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Юрий Миранович Антонян

Быть жертвой. Природа сексуального насилия

© Ю. Антонян, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Любое цивилизованное общество строго охраняет права и законные интересы своих граждан, их жизнь и здоровье, достоинство и неприкосновенность личности, сурово карая за всякое посягательство на них, особенно если страдают дети и подростки. Любое цивилизованное общество строго оберегает честь и достоинство женщин как символ собственной чести, а эффективность этой защиты выступает показателем его культуры. Существующий строй сексуальных отношений охраняется, конечно, не только и не столько с помощью уголовного кодекса, но главным образом путем воспитания нравственных чувств, формирования культуры общения и межличностных отношений, полового воспитания, оказания психологической помощи в разрешении глубинных переживаний и конфликтов. Именно эти меры на фоне общего повышения культуры следует рассматривать как наиболее важные в борьбе с сексуальными преступлениями, особенно изнасилованиями, и наиболее эффективные. В структуре преступности сексуальные посягательства менее распространены и не идут ни в какое сравнение, например, с кражами и другими имущественными правонарушениями. Но даже относительно небольшое их количество не может не вызывать тревоги в силу повышенной общественной опасности, необратимости последствий, глубоких физических, моральных и психологических травм.

Закономерно, что изнасилования несовершеннолетних либо сопряженные с убийствами или нанесением тяжких телесных повреждений, с истязаниями и мучениями жертв вызывают однозначное и суровое осуждение общественности.

«Серийные» зверские убийства женщин и детей в Ростовской и Витебской областях, Москве, Иркутске, Пензе, Ставрополье и некоторых других местах приковали к себе всеобщее внимание, породили страх у населения. Необходимо отметить, что подобные преступления «сотрясают» и многие другие страны. По сообщениям печати, за последние годы несколько таких преступлений было совершено, например, в США (в штатах Вашингтон, Колорадо, Флорида). Поэтому без преувеличения можно сказать, что борьба с половым насилием и убийствами на сексуальной почве актуальна практически для каждой страны. Добавим, что у нас они раскрываются очень плохо, в том числе по причинам их недостаточной изученности, отсутствия необходимых сведений о тех, которые преступили все мыслимые грани.

Мы поставили перед собой задачу рассказать, почему совершается сексуальное насилие, рассказать не только юристам, психологам или сексопатологам, но всем тем, кого интересуют эти вечные тайны, для кого небезразличны нравственное здоровье людей, судьбы жертв таких посягательств, всем, кто хочет знать, как избежать опасности. Как ни странно, для нас важно обратиться и к потенциальным сексуальным преступникам, показывая субъективные причины и механизмы половых правонарушений. Эти движущие силы обычно не осознаются человеком, но поняв, осмыслив их с нашей помощью, они смогут управлять ими и в силу этого избежать совершения опаснейших поступков.

Общество ждет более эффективной профилактики этих преступлений, острого реагирования правоохранительных органов на каждый факт, обязательного изобличения виновных и их наказания. Причем наказание должно быть таким, чтобы исключить возможность рецидива. Однако до сих пор мы не умеем исправлять сексуальных преступников, и работа с ними в местах лишения свободы ведется такая же, как, например, со взяточниками или ворами.

Все это в общем-то неудивительно, поскольку половые преступления еще мало исследованы с широким привлечением современных достижений социологии, психиатрии и в первую очередь сексологии, сексопатологии и психологии.

В нашей стране даже сфера изучения половой преступности в прошлом была весьма идеологизированной. Более того, эти преступления исследовались как-то стыдливо, а публикации о них были недоступны широкому кругу читателей, они охранялись почти наравне с военными секретами. Здесь проявилась очень интересная тенденция: тоталитарное коммунистическое государство вмешивалось во все дела и поступки человека, даже залезало к нему в постель, установив, например, уголовную ответственность за мужеложество. А поскольку половая жизнь людей все-таки ускользала от бдительного ока, выгодно было делать вид, что этой жизни вроде бы и не существует. По этой причине вся сексологическая (а криминологическо-сексологическая тем более) литература оказалась под запретом.

В настоящее время, как известно, началось бурное движение в противоположную сторону, от пуританства и фарисейства к полной разнузданности и резкому падению нравов. Сейчас любой мальчишка и любая девчонка могут в неограниченном количестве приобрести литературу о сексе – низкопробную, грязную, срывающую с него все покровы цивилизации и сводящую его к простому совокуплению. Но серьезных научных и научно-популярных работ о сексуальной жизни и отношениях между полами все еще очень мало.

Если сексуальные преступления еще кое-как описываются, то объясняются из рук вон плохо. Приводимые причины изнасилований (причины других посягательств на половую неприкосновенность человека вообще никогда у нас не исследовались) столь невнятные и неубедительные, что невозможно понять, почему они все-таки совершаются. Между тем незнание причин самым пагубным образом отражается на профилактике сексуальных преступлений.

Конечно, работники следствия, суда, прокуратуры и адвокаты имеют свое понимание природы и причин сексуальных преступлений, но оно, по существу, не выходит за рамки обыденных житейских представлений. Многие люди, в том числе юристы, уверены, что если у обвиняемого в изнасиловании выявлена, например, психопатия, то этим все сказано, т. е. совершенно ясно, что по причине такого психического расстройства он и совершил данное преступление. И не всем приходит в голову, что тысячи психопатов никогда не преступают уголовно-правовые запреты. Очень часто принимаются на веру объяснения и мотивировки самих обвиняемых, и дело здесь не в том, что они могут намеренно искажать истину, а в том, что преступники чаще всего попросту сами не знают причин собственных поступков.

Между тем в области изучения сексуального поведения отечественными сексологами и психиатрами сделано немало. Но это главным образом психиатрические работы, построенные на изучении аномальных и больных людей, совершивших общественно опасные сексуальные действия. Но их явно недостаточно для объяснения сексуального насилия, хотя бы потому, что многие виновные в совершении сексуальных преступлений психически здоровы. Даже если у них имеются психические нарушения (в пределах вменяемости), их преступное поведение не может быть объяснено с психиатрических позиций. Необходимо комплексное изучение, поскольку никакие внешние и внутренние, в том числе патологические, факторы не действуют напрямую, а только преломляясь через психологию личности.

Одним словом, не зная психологии виновного в посягательстве на половую неприкосновенность, невозможно понять, почему он это сделал. Пока же психология таких людей изучена слабо. Отсюда нерешенность многих криминологических криминалистических, экспертных, исправительных и других проблем, почти полное отсутствие научно обоснованных предложений и рекомендаций по профилактике и раскрытию этих преступлений, исправлению виновных. Есть еще одно обстоятельство, препятствующее глубокому познанию половых правонарушений: для изучения такого рода преступлений требуются не только специальные знания и навыки применения тонких методик, однако подобные правонарушения сами по себе, в силу своего характера и тяжести последствий нередко как бы отталкивают от себя исследователя. Изнасилования и убийства, совершенные с особой жестокостью,

насилие над детьми и причинение им тяжких увечий, различного рода сексуальные извращения всегда вызвали естественное отвращение, а следовательно, и нежелание заниматься непосредственным изучением личности виновных в столь омерзительных злодеяниях.

Уместно отметить, что половое поведение, пусть и преступное, как и сексуальная жизнь человека в целом, относятся к числу самых больших и загадочных тайн природы, общества и личности и, возможно, нигде как в такой жизни столь сложно и тесно не переплетаются в человеке природные и социальные силы. Сексуальные эмоции, переживания и установки сугубо интимны, скрытны и глубоки, порой драматичны, имеют исключительное бытийное значение. Они оказывают огромное влияние на судьбу личности, подчас круто меняют ее, перестраивают все мироощущение.

Сексуальные отношения множеством невидимых нитей переплетаются с иными связями и ценностями, эти отношения часто непонятны и даже необъяснимы для внешнего взгляда, их познанию существенно препятствуют тысячелетние ошибки и заблуждения, страхи и предрассудки, предвзятые и неоднозначные оценки, суеверия и сложнейшая символика. Слишком часто в межполовых отношениях и эмоциях видели источник и сущность человеческой порочности, а отношение к ним колебалось от наготы и цинизма до пуританской стыдливости, замалчивания и даже полного отрицания. Тем не менее, секс и сексуальные отношения во всем их многообразии всегда сохраняют свою властную притягательную силу. В качестве объекта изучения они всегда привлекали внимание философов, психологов, юристов, писателей.

Сексуальное насилие как разновидность полового поведения, точнее, как его несоциализированная, вандалическая форма, не может быть адекватно объяснено лишь как правовое явление вне широкого контекста сексуальной жизни человека, разнообразных социально-психологических связей и механизмов, роли сексуальности в его жизни.

Главная задача, которую мы ставим перед собой, заключается в попытке раскрытия внутренних причин названных правонарушений через их мотивацию, не игнорируя при этом и внешние способствующие факторы. Выбор именно мотивации закономерен, ибо в мотивах заключены побудительные силы поведения, его личностный смысл, т. е. то, ради чего совершаются данные преступные действия, в чем их субъективная выгода для индивида.

Ведь очень часто стороннему наблюдателю представляется, что наступающие последствия в виде уголовного наказания неизмеримо превышают все зримые выгоды от совершенного правонарушения, и поэтому, казалось бы, нет никакого смысла поступать таким образом. Однако так только кажется, поскольку самые дикие, гнусные, даже нелепые поступки всегда, подчеркиваем – всегда, имеют свою внутреннюю логику, свое внутреннее обоснование, свой психологический выигрыш. Но понять это можно, лишь принимая во внимание мотивы поведения. Знание их дает возможность понять личность сексуального преступника.

Пристальный интерес к личности вовсе не означает психологизации проблемы половых преступлений, поскольку, во-первых, без знания человека понять эту проблему попросту невозможно. Во-вторых, ее изучение позволяет выйти на широкий социальный уровень, сделать социальные обобщения. Иначе, собственно, и не может быть, поскольку сексуальные преступления, как и любые другие, совершаются личностями, формирование, развитие и поведение которых немыслимо вне общественных и социальных ситуаций.

Мы намерены рассказать здесь не только о самых распространенных половых преступлениях – изнасилованиях, которым, кстати, уже посвящен ряд работ. Не меньше места будет уделено убийствам на сексуальной почве. В книге не обойдены вниманием и потерпевшие, поскольку без анализа их личности и поведения зачастую совершенно нельзя понять, почему и как совершено преступление. Сексуальное – в особенности, потому что самым преступным действиям часто предшествуют более или менее тесные отношения между будущим преступником и будущей жертвой, отношения сложные, запутанные, противоречивые. Это

можно сказать, например, о многих случаях изнасилований, когда женщина своим неосторожным, даже аморальным поведением, ведя так называемую любовную игру, вовлекает в нее мужчину. Это и факты изнасилования детей их отцами или отчимами, соседями или «друзьями» дома. Интересно отметить искреннюю убежденность многих преступников в том, что жертва сама стремилась к половой близости.

Чтобы выпукло показать специфику личности преступника, механизмы и истоки сексуального насилия, приведены развернутые примеры. В центре этих иллюстраций – личность преступника и история его жизни во всей ее неповторимости. Причем наше объяснение происшедшего – одна из возможных версий, построенная на определенном видении природы преступлений, посягающих на самую интимную сторону человеческой жизни. Наша версия построена на достоверных фактах, на результатах изучения реальных людей. Авторы – ученые-практики, т. е. люди, на протяжении многих лет сами изучающие тех, кто совершил столь тяжкие преступления.

Глава I

Природа сексуального насилия

Что об этом известно в криминологии

Криминологи неоднократно пытались выяснить причины изнасилований и других тяжких половых преступлений. Если суммировать высказанные в разное время на этот счет суждения, то они, в основном, сводятся к следующим:

1) совершение изнасилований и убийств связано с упущениями в нравственно-половом воспитании; не во всех учебных заведениях и трудовых коллективах уделяется должное внимание воспитанию культуры поведения и отношений, борьбе с проявлениями грубости, цинизма, с распространением пьянства и других негативных традиций проведения свободного времени;

2) специфическую роль играют примеры развязного сексуального поведения (например, совершение половых актов в присутствии детей; беспорядочная половая жизнь), распространение циничных взглядов на женщину и отношения полов;

3) развращающее влияние старших по возрасту, безнадзорность подростков в период полового созревания оказывают исключительно отрицательное влияние на состояние половой преступности;

4) криминогенным фактором является распространение представлений об «абсолютной половой свободе» как якобы атрибуте современной молодежи. Крайний индивидуализм, стремление удовлетворить свои узкоэгоистические интересы, представление некоторых мужчин о себе как о существах, имеющих чуть ли не от природы какие-то преимущества перед женщинами, сведение отношений между полами к чисто физиологическому акту. Подобные представления весьма живучи, обращены к самым низменным инстинктам и легко воспринимаются несознательной частью населения;

5) проблема изнасилований и убийств на сексуальной почве тесно переплетается с проблемой криминогенной роли потребления спиртных напитков, его влияния на область половых отношений. (Эта схема подкупает своей простотой и доступностью: выпил – изнасиловал или убил, нахулиганил. Никаких особых изысканий тогда не нужно, правда, одно неясно: ведь выпивают миллионы, а насилует, убивает и т. д. – значительное меньшинство);

6) при совершении изнасилований и даже убийств на сексуальной почве виновные руководствуются прежде всего хулиганскими побуждениями. Это якобы подтверждается тем фактом, что свыше 70 % этих преступлений совершаются хулиганствующими группами несовершеннолетних. Происходит это потому, что побуждающим фактором к совершению, например, изнасилований выступает в большинстве случаев бахвальство, стремление показать себя взрослым перед товарищами, ложно понимаемый героизм. Сильны при этом и моменты внушаемости, подражания, любопытства;

7) легкомысленное поведение потерпевших от половых преступлений, создавшее у преступников мнение о «естественности» их притязаний на интимную близость или обусловившее благоприятную обстановку для реализации этих притязаний;

8) сексуальные убийства чаще всего связаны с ревностью и частнособственническими воззрениями на женщину, из чего можно сделать вывод, что когда женщина убивает мужчину, она тоже смотрит на него частнособственническими глазами. А вообще, сексуальные убийства привлекали к себе мало внимания в силу неразвитости криминальной психологии, без которой невозможно объяснить, почему подобные преступления совершают вполне пре-

успевающие люди, весьма недурно адаптированные к существующей социальной системе. Нелишне заметить здесь, что мотивы сексуального характера могут стимулировать совершение не только насильственных, но и косных преступлений – краж, хищений, взяточничества, а также разбоев и грабежей.

Оценивая перечисленные объяснительные конструкции, можно подумать, что действуют не живые насильники, а некие роботы. Отсюда упрощенные, даже умозрительные объяснения, в которых фактически игнорируется то чрезвычайно важное обстоятельство, что изнасилования, внешне справедливо расцениваемые как грубые, циничные, даже разрушительные действия, тем не менее, порождаются глубинными, тончайшими, часто психотравмирующими переживаниями и эмоциями, смысл которых по большей части не охватывается сознанием личности. Виновные в изнасилованиях лишь в редких случаях способны внятно объяснить, почему они совершили такие действия, в чем смысл, значение этих действий для них. Понять, какую субъективную задачу решает человек, совершающий такие и другие уголовно наказуемые поступки, – долг исследователя. Преступник же, поняв смысл этой задачи, тем самым овладевает и механизмами своего поведения, может лучше управлять им. Именно в этом заключены огромные, но почти не тронутые предупредительные в отношении изнасилований возможности.

Справедливости ради отметим, что изучение природы и причин половых преступлений отечественными юристами никогда не отличалось большой глубиной. Вот что писал, например, о подобных преступлениях известный русский дореволюционный (и «послереволюционный») юрист С.В. Познышев: «Особую разновидность импульсивных преступников составляют преступники половые, изнасилватели и развратители подростков и малолетних. Это – субъекты, у которых существует сильная склонность к половым удовольствиям, не ограничиваемая обычными у людей комплексами морального характера, а подчиняющаяся одним соображениям личной приятности и риска. В силу этих соображений они стараются обставить получение приятных ощущений полового характера такими условиями, при которых им не угрожали бы ни большой скандал, ни ответственность, но о моральной стороне своего поступка и о его социальной недопустимости они не думают... иногда преступления этих субъектов бывают очень тяжки, а иногда носят на себе печать не столько зверской жестокости, сколько не лишеной комизма половой распущенности»¹. Замечания эти не лишены точности, но им явно не хватает глубины.

С.В. Познышев анализирует следующий пример: крестьянин Московской губернии Иван Г., 55 лет, неграмотный, по профессии кузнец, на первый день Рождества в 1920 году в отсутствие своей жены изнасиловал свою дочь Зинаиду, 14 лет: сбросив с нее одеяло и сорвав рубашку, он совершил с ней половой акт, несмотря на ее сопротивление. С этого времени и до лета 1922 года, угрожая ей избиением, он время от времени жил с ней. Дочь, страшно запуганная, долго скрывала поступки отца, но потом все рассказала властям.

Чем же объясняет автор изнасилование Г. собственной дочери, поступок, кстати сказать, не очень редкий? Он обращается к истории жизни Ивана Г. и сообщает, что тот был сын трезвых родителей, которые отдали его с 9 лет в ученье по кузнечной части, и по окончании его он в течение всей жизни работал кузнецом; с 18 лет стал сильно пить, при этом любил пояснять, что «мастерское дело – известно, не выпьешь – и работать нельзя». Груб, драчлив, раздражителен. Женился в 25 лет, до этого с женщинами связи не имел. После смерти жены (прожили вместе 16 лет) женился во второй раз; во время вдовства имел с женщинами редкие половые связи «с кем попало». В последние годы замечает, что половое желание у него есть, а половой силы нет. Признается, что раз, выпив 4 бутылки «ханжи, пристал к дочери». Изнасилование вообще и дочери в частности признает «неудобным», ну а если бы «она согласи-

¹ Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. – Л., 1926. – С. 151.

лась, тогда другое дело». Стараются уверить, что дочь на него наговорила. По мнению С.В. Познышева, Иван Г. представляет собой резко выраженный тип полового насильника².

Вот, собственно, и все комментарии по поводу данного преступления. Из них невозможно понять, почему это преступление произошло, и можно только строить самые различные предположения. С.В. Познышев пытается проанализировать и несколько случаев растления малолетних. Виновных в таких действиях автор называет сладострастными блудниками, «не доходящими до насильственного совершения акта совокупления, а ограничивающимися разными “блудными” действиями». Например, рассказывается о некоем Иване Х., служившем сторожем при заводе, который зазывал к себе в будку девочек 9-11 лет, сажал их к себе на колени, вводил палец в их половые органы и показывал им свой член; аналогичные развратные действия совершал Ш., который под предлогом угощения конфетами увел пятерых девочек на Ваганьковское кладбище; О., учитель музыки и пения в детском доме, который завлекал девочек 8-10 лет к себе домой и т. д. Обо всех виновных говорится, что они импульсивные личности, т. е. люди, действующие по первому побуждению, однако это мало что объясняет, поскольку подобное побуждение может вызвать самые разные поступки, в том числе благородные, о чем предостерегал еще Талейран.

Весьма ограниченными объяснительными возможностями обладают и рассуждения С.В. Познышева по поводу того, что сексуальные преступники, хотя и не могут считаться вполне нормальными людьми, так как у них есть склонности к ненормальным поступкам, однако лишены признаков какого-либо определенного нервного или психического расстройства. Все эти рассуждения вызывают серьезные возражения. Во-первых, здесь очень неудовлетворительным выглядит положение о том, что названные преступники не вполне нормальны в связи с их склонностью к ненормальным поступкам. Однако все (или почти все) преступления можно назвать ненормальными, т. е. выходящими за рамки социальной нормы. С этих позиций и карманный вор, и сексуальный убийца, и взяточник из муниципалитета одинаково ненормальны. Во-вторых, из текстов С.В. Познышева совсем не вытекает, что наличие нервного или психического расстройства было установлено психиатром или невропатологом, а только они и имеют на это право. Очень важно здесь обратить внимание на то, что никакое психическое расстройство непосредственно и однозначно не приводит к преступлению, иначе все психически аномальные люди были бы преступниками. К тому же важно не только констатировать психическую патологию, но и убедиться в том, что она «соучаствовала» в преступных действиях.

Более глубокие и обоснованные суждения относительно половых преступных посягательств высказывал выдающийся отечественный психиатр П.Б. Ганнушкин. В великолепном очерке «Сладострастие, жестокость и религия» он высказывает весьма интересные и нетривиальные мысли. П.Б. Ганнушкин считает, что три чувства, совершенно различные на первый взгляд, – злоба, сексуальная любовь и религиозное чувство – находятся друг к другу в большой близости; когда возрастает их интенсивность, и в особенности когда злость трансформируется в жестокость, в свирепость, сексуальная любовь в сладострастие и религиозное чувство в фанатизм или в мистицизм, тогда эти три чувства совпадают или смешиваются без заметных границ. Религиозное помешательство очень часто связано с болезнями половых органов, и в клинической картине этого помешательства галлюцинации сексуального характера, мастурбация и всякого рода сексуальные эксцессы занимают заметное и постоянное место. Известны случаи, когда религиозное помешательство совпадало с очень частыми поллюциями, или со временем полового созревания, или с началом месячных, или с их временной задержкой.

² См.: Познышев С. В. Указ. работа. – С. 152.

Живопись, скульптура и поэзия, современные роман и драма часто касаются близости сексуального чувства и жестокости, считал П.Б. Ганнушкин. Зло, которое некоторые люди причиняют другим, вызывает у них чувство сладострастия; с другой стороны, не нужно рассматривать как психически больных или дегенератов всех тех, у кого сексуальные функции сопровождаются актами жестокости. Реализация сексуальных функций часто сопровождается жестокостью даже у животных. Так, верблюд в период течки бывает очень злобен и всех кусает, даже самок; в Гамбургском зоопарке самец кенгуру убил самку и детенышей во время вспышки полового возбуждения; кенар в подобных случаях часто разрушает собственное гнездо, разбивает яйца и убивает самку.

Сексуальное чувство, половой акт (копуляция) могут сочетаться с жестокостью тремя способами: 1) жестокость следует за копуляцией; последняя не дает удовлетворения и субъект прибегает к серии зверств над своей жертвой; 2) жестокость предшествует копуляции; в этом случае жестокость восстанавливает потенцию, уже ослабленную или исчезнувшую; 3) копуляция не имеет места и она замещается жестокостью; это садизм в собственном смысле слова, где жестокость является эквивалентом половой любви. Меньшую часть составляют случаи, когда половое возбуждение вызывается не путем совершения поступков, приносящих вред другим, но только при созерцании сцен жестокости и даже только при представлении подобных сцен.

Ссылаясь на ряд исследований, П.Б. Ганнушкин отмечал неограниченные возможности мужчины по отношению к женщине, которая ему отдается, сходство акта половой любви и акта кровавой жестокости, сходство, обусловленное борьбой за первый поцелуй, борьбой за осквернение женщины кровью через разрушение ее эпидермиса, ее растление, сходство, обусловленное истинным или притворным сопротивлением женщины, наконец, переживание победы мужчиной, унаследованное, может быть, с того времени, когда нападение и борьба предшествовали обладанию женщиной. Все это обуславливает некоторое сходство между сладострастием и жестокостью.

С приведенными соображениями можно не соглашаться или соглашаться частично. Например, вызывает некоторые сомнения утверждение по поводу неограниченных возможностей мужчины по отношению к женщине, которая ему отдается. Однако в целом здесь проявлено стремление показать всю сложность проблемы сексуального насилия, скрытый, глубинный характер факторов, вызывающих подобные поступки.

Результаты научных исследований убедительно показывают, что невозможно вскрыть внутренние причины насильственного сексуального поведения с помощью только социологической информации, т. е. сведений о том, когда и какие внешние факторы влияли на человека. Например, совершение половых актов и присутствии детей нельзя назвать веской причиной изнасилований. Такие факты в условиях сельского дома были всегда достаточно распространены. Они могут порождать как циничное к ним отношение, так и равнодушие или отвращение, приводить к невротическим расстройствам и т. д. К тому же, по имеющимся данным, число изнасилований в сельской местности не выше, чем в городах. Более того, есть основания полагать, что в городах оно выше, поскольку там выше уровень латентности.

Совсем неубедительно звучит утверждение, что при совершении изнасилований виновные прежде всего руководствуются хулиганскими побуждениями. По-видимому, настало время отказаться в науке от использования понятия «хулиганские побуждения» для объяснения всего того, что непонятно исследователю, суду, следствию или другому причастному лицу. Мы возражаем также против того, что ненадлежащее, даже аморальное поведение потерпевших может выступать в качестве причин изнасилований. Такое поведение можно рассматривать лишь как условие, способствующее этим преступлениям.

Даже если представить себе человека, который был в детстве и юности свидетелем половых сношений, слышал циничные высказывания в адрес женщин, испытал на себе

«тлетворное» влияние буржуазной пропаганды, потребляет спиртные напитки, который не был объектом направленного воспитания в учебных заведениях и трудовых коллективах и обычно «руководствуется» так называемыми хулиганскими побуждениями, ложно понимая героину, которого провоцировала женщина, все-таки остается совершенно непонятным, почему же он совершил именно изнасилование, да и любое другое преступление. Легко можно представить себе тысячи людей, которые воспитывались в ненадлежащих условиях, обладают негативно оцениваемыми качествами или неправильно ведут себя, но тем не менее не совершают столь тяжких преступлений, да и вообще никаких. Очевидно, нужно установить истинные мотивы изнасилований и сексуальных убийств, понять, почему данный человек в данных обстоятельствах совершил данный поступок, а не какой-нибудь иной. Ведь любая жизненная ситуация содержит веер возможностей выхода из нее, что и является одним из наиболее существенных оснований ответственности, однако виновный выбирает только ту, которая носит противоправный характер. Поэтому поставленный выше вопрос можно сформулировать несколько иначе: почему он выбрал именно эту возможность? Сказать, что это происходит потому, что таков данный человек, значит, в сущности, не сказать ничего. Поэтому мы попытаемся вскрыть те внутренние, субъективные определяющие, которые приводят именно к изнасилованиям.

Вместе с тем, ни в коем случае нельзя отрицать криминогенное значение недостатков в воспитательной работе, в том числе в половом воспитании, роль пьянства, циничных примитивных взглядов на межполовые отношения и других негативных явлений. Эти явления должны быть объектом предупредительного воздействия, но их следует адекватно оценивать, рассматривая в качестве не причин, а условий, способствующих совершению изнасилований.

Не следует игнорировать и то, что многие насильники, действительно, рассматривают женщин как низшие существа, с желаниями которых можно не считаться, и которые чуть ли не обязаны делать то, что пожелает данный мужчина. Немало и тех, кто сводит отношения полов к простым физиологическим актам. Не вызывает сомнений, что у насильников не сформировано представление о ценности женщины, ее свободе, достоинстве, половой неприкосновенности. Сами насильственные действия как раз об этом и свидетельствуют, да и сами насильники подчас не скрывают своего пренебрежительного, циничного отношения к ней. Но это не освобождает от обязанности понять, в силу каких психологических стимулов и механизмов подобные установки реализуются в изнасилованиях. Поэтому вновь можно поставить вопрос: почему далеко не все те, которые отводят женщинам столь унижительную роль, которые выхолащивают из межполовых отношений чувства любви, симпатии, взаимного расположения, доверия, наконец, сексуального принятия и т. д., совершают столь тяжкие преступления?

Сказанное относится и к случаям совершения изнасилований лицами, чьи преступные действия связаны (в той или иной мере) с длительной сексуальной депривацией, т. е. невозможностью удовлетворения половой потребности в течение долгого времени. К ним в первую очередь относятся солдаты срочной службы и те, кто недавно демобилизован из армии, а также лица, освобожденные из мест лишения свободы. Изучение этого вопроса показало, что таких лиц среди насильников незначительная часть. Основную массу подобных преступлений совершают лица, которые имели постоянную возможность удовлетворять половую потребность. Более того, как мы уже отмечали, многие из них были женаты.

Аналогичные наблюдения сделаны и зарубежными исследователями. Так, Х. Шрамм пишет, что почти ни один преступник не действует из сексуальной необходимости. Все преступники, за некоторым исключением, имеют сексуальные отношения с женщинами³.

³ См.: Schramm H. Zur Kriminologie der Sexualdelikte Minderjähriger // Die Polizei. – 1965. – № 1. – С. 28.

Мы полагаем, что регулярная половая жизнь женатых мужчин отнюдь не гарантирует того, что они не будут совершать изнасилований и сексуальных убийств. Более того, последние весьма вероятны в связи с интимными трудностями, возникающими в сексуальной жизни супружеской пары. Можно предположить, что семейный фактор играет и другую криминогенную роль, но совершенно в ином аспекте, а именно: неприязненные внутрисемейные отношения, постоянные бытовые неурядицы, конфликты, скандалы способствуют взаимному сексуальному отчуждению супругов и как бы выталкивают мужа на улицу, ставя его перед необходимостью поиска новых объектов интимного общения и новых (далеко не всегда правомерных) форм сексуальной близости. В других случаях постоянные скандалы заканчиваются насильственными действиями.

Однако и такая цепочка причинно-следственных зависимостей представляется некоторым упрощением чрезвычайно сложной проблемы связи сексуальных и иных отношений супругов и насильственных посягательств на половую неприкосновенность других женщин или на жизнь своей жены. Эта схема все-таки имеет чисто описательный характер, ориентирована на внешне оцениваемую последовательность явлений без вскрытия их внутренней содержательной связи. К тому же непонятно, почему лица, семейные отношения которых вполне благополучны, совершают такие преступления. В этих случаях указанная связь может отсутствовать либо носить глубоко скрытый характер, особенно тогда, когда семейная ситуация насильника со стороны выглядит достаточно благоприятной.

Можно предположить, что причины изнасилований связаны с субкультурой некоторых социальных групп. Наиболее криминогенны те сексуальные нормы, которые влекут за собой отсутствие духовной близости между сексуальными партнерами, пренебрежительное отношение к женщине и понуждение ее к интимной близости. Между тем, сексуальные нормы, допускающие насилие, мало распространены. Имеющие криминогенную значимость нормы о взаимоотношениях полов чаще связаны с менее выраженными формами проявления неуважения к личности женщины.

Криминологическое значение может иметь тот факт, что сексуальная культура каких-то групп готовит почву для совершения изнасилования допущением, например, открытости интимных связей. Шаг в сторону применения насилия от нее короче, нежели от сексуальной субкультуры, налагающей табу на гласность в области интимных отношений. Однако следование нравственным предписаниям в одной социальной группе отнюдь не означает, что представители этой группы будут соблюдать их в контактах с представителями другой общности. Так, в Англии в XIX веке мужчины и средних и высших слоев руководствовались господствовавшими там пуританскими правилами при общении с женщинами того же круга, но могли игнорировать указанные нормы, когда вступали в интимные контакты с представительницами иных социальных слоев. Впрочем, такое встречалось и встречается не только в Англии.

Изнасилования во многих случаях являются воплощением в жизнь представлений о допустимости принуждения к интимной близости с женщиной, которая согласилась распивать спиртные напитки наедине с мужчиной. В других ситуациях эти же мужчины не совершают посягательства на половую неприкосновенность женщины. Этот пример показывает, что конкретная сексуальная субкультура не носит тотального негативного характера, и каждый ее представитель действует индивидуально. Другой важный момент: живучесть негативных сексуальных норм определяется не только социальной памятью, но и возможностью их реализации в поведении конкретного человека. Причем они сильнее закрепляются тогда, когда основанное на них поведение позволяет достичь поставленных целей, а наказание за проявленное в той или иной форме неуважение к женщине не следует.

Можно рассуждать и от обратного: если сексуальная субкультура допускает в каких-то интимных обстоятельствах проявление мужчиной неуважения к женщине, то это может

означать, что она же содержит нормы, прививающие женщине представление о допустимости такого отношения к ней. Более того, все другие лица, придерживающиеся той же субкультуры, рассматривают такое сексуальное поведение как непорицаемое. Имея это в виду, изнасилование, совершаемое на почве совместного времяпрепровождения мужчины и женщины или в иных ситуациях, можно рассматривать как использование виновным каких-то негативных сексуальных представлений, присущих потерпевшей и ее ближайшему социальному окружению, или как его ошибку в первоначальной оценке сексуального кредо женщины.

Этот уровень объяснения причин изнасилований – преимущественно социально-психологический, основанный на этических ориентациях и ценностях отдельных социальных групп. Эти группы, как можно предположить, в значительной своей части неформальные и выделяются по различным параметрам, в том числе и по месту, которое они занимают в общественном производстве. Социально-психологический уровень достаточно конструктивно объясняет совершение многих сексуальных посягательств, поэтому преступники, как бы представляющие этот уровень, нами в дальнейшем выделяются в самостоятельный тип насильника со всеми присущими ему психологическими чертами.

Однако только социально-психологическое объяснение причин изнасилований (как, по-видимому, и других сексуальных преступлений) не может, на наш взгляд, иметь всеобъемлющее значение, т. е. не способно раскрыть причины всех таких преступлений, и в этом его недостаточность. Например, оно не может быть полным для понимания внезапных, «ночных» нападений на незнакомых женщин преклонного возраста. Отметим в этой связи, что сексуальные посягательства на малолетних девочек и женщин преклонного возраста порицаются всеми сексуальными субкультурами. В то же время не подлежит сомнению, что любой насильник придерживается каких-то взглядов в области сексуального поведения и является носителем определенных представлений из этой области, присущих его социальной группе.

Сексуальные действия в отношении детей и тем более их убийства почти всегда вызывают крайне негативную реакцию со стороны других преступников. Многочисленные наблюдения показывают, что в местах лишения свободы осужденные за названные преступления постоянно унижаются и преследуются, их избивают и могут убить, издевательства над ними, как правило, принимают сексуальный характер. Они как бы отвергаются сообществом лишенных свободы, становятся изгоями, низводятся на низшую ступень социальной лестницы. Поэтому администрация исправительных учреждений иногда бывает вынуждена охранять таких лиц. Например, М., осужденный за изнасилование своей малолетней дочери, все время подвергался оскорблениям и побоям, ему не разрешали садиться за общий стол, дотрагиваться до ручек дверей и т. д. Администрация одной женской колонии имела все основания опасаться за жизнь одной преступницы, осужденной за то, что она отрубила кисти рук двум детям (4 и 6 лет) своей соперницы.

Разумеется, самоуправные действия одних преступников в отношении других не могут быть оправданы. Но очень непонятны и слишком мягкие приговоры подобным людям. Есть все основания считать, что смертная казнь всегда должна применяться в отношении убийц детей, лиц, совершивших убийства за плату или убийства с особой жестокостью, всех тех, кто убивает не в силу личной вражды или ненависти к конкретному человеку, а без страсти и эмоций, только потому, что перед ним живая жизнь.

В зарубежной криминологии существует ряд теорий, содержащих попытки объяснения изнасилований. Кратко изложим их основное содержание.

Символическая интеракционистская теория исходит из того, что социальное взаимодействие осуществляется с помощью знаков, символов, жестов, игры глаз и слов. Люди наблюдают друг за другом, интерпретируют действия другого и ведут себя соответственно;

к этим реакциям можно причислить и изнасилования. Интеракционисты считают, что изнасилование – это способ выражения отношений и чувств, испытываемых мужчинами и женщинами друг к другу. Здесь упор делается на реакцию насильника на поведение жертвы, которая иногда выступает в роли «вдохновительницы» насилия. Она пускает в ход то, что можно было бы расценить как непристойность в словах и жестах, или она ведет себя таким образом, что это рассматривается как приглашение к половой связи.

При таком образе мышления в психологической окраске поведения потерпевших присутствует что-то, что отличает их от нежертв. Провоцирующие поступки женщин могут привести к сексуально опасной ситуации. Теория «провоцирующей жертвы» опирается в основном на позицию насильника, которая выражается обычно в таких словах: «она попросила об этом», «она недостаточно сильно сопротивлялась», «ее поведение было провоцирующим», «она изменила свое решение слишком поздно» и т. д. Названная теория превращает подобные рационалистические объяснения насильников в причинное объяснение актов насилия. Сторонники этой теории полагают, что недвусмысленное выражение жертвой ее нежелания сразу бы остановило насильника.

Однако если насильник при нападении явно неправильно истолковывает намерения женщины, то тогда данная теория опирается на несколько иные исходные посылки. В таких случаях и преступник, и жертва неправильно истолковывают поведение друг друга. Она принимает за милость факт принятия им ее отказа при его заигрывании. Насильник, с другой стороны, истолковывает отказ жертвы чисто как проявление благопристойности. В итоге, считая, что сопротивление женщины – это маска, под которой скрывается тайное желание подчиниться сильному мужчине, он принимает решение действовать таким образом, как будто бы она дала свое согласие.

Некоторые зарубежные исследователи и практические работники полиции отмечают, что в отдельных европейских странах и США среди насильников и сексуальных убийц довольно велика группа мужчин с черной кожей (до 30–35 %). Однако подобные наблюдения не дают никаких оснований думать, что черная раса обладает повышенной предрасположенностью к насилию, и никакие расовые теории под это не могут быть подведены. Дело в том, что высокий удельный вес чернокожих преступников наблюдается там, где представители этой расы адаптированы хуже других, т. е. плохо обеспечены материально, заняты непрестижным трудом, имеют низкий образовательный уровень, испытывают к себе недоверие и даже вражду и т. д. Сексуальное насилие для некоторых из таких людей является способом самоутверждения. Нелишне вспомнить и о том, что с древнейших времен женщина ассоциировалась не только с природой и ее способностью к оплодотворению, но и с богиней-матерью. Насильственное овладение женщиной другого рода или племени символизировало овладение божеством этого народа, следовательно, его подчинение. Почему не предположить, что этот древний механизм действует и сейчас?

Некоторые психоаналитические теории исходят из того, что у большинства насильников наблюдается сильная ненависть к женщинам с раннего детства, или они пережили события, которые активизировали скрытые гомосексуальные тенденции. В последнем случае насилие мотивируется отчаянным желанием утвердиться в своей мужественности. По мнению Т. и Х. Швендингер, такие объяснения изнасилований не доказаны или доказаны не полностью, однако мы попытаемся показать обоснованность этих взглядов.

Психоаналитические идеи являются центральными в социологической концепции «субкультуры насилия». Данная субкультура предположительно создается мужчинами, живущими в одном и том же районе (местности), которые, прибегая к насилию, находят выход своей сексуальной амбивалентности (двойственности) и расстройством. Доказательств этой концепции очень мало, более того, считают упомянутые авторы, они никогда не появятся, поскольку есть множество примеров, когда изнасилования совершались людьми из

национальных групп, в которых наблюдались традиционные семейные связи. В этих группах женщины подчиняются мужчинам согласно стабильным патриархальным формам доминирования, а не моделям, где доминирует материальное начало. Однако если воспитанный в такой патриархальной субкультуре мужчина встречается со случаями, когда высокий статус женщины и ее автономия подрывают его мужское превосходство, то это тоже может стать причиной изнасилования.

С совершением изнасилований женщин другой национальности, а в некоторых случаях и их последующего убийства мы сталкивались неоднократно. Такого рода преступления сейчас нередки во время межнациональных столкновений в странах бывшего СССР, и преодоление последствий подобных преступлений представляет собой очень трудную, а подчас и неразрешимую проблему. Нельзя делать вид, что ее нет, напротив, следует искать формы и способы помощи обездоленным (и, конечно, ни в чем не виновным) женщинам. С этой проблемой сталкиваются и другие страны, например, Кувейт после иракского нашествия.

Вместе с тем надо иметь в виду и те случаи, когда мужчина, воспитанный в традиционной семейной культуре, совершает сексуальное насилие в отношении женщины, принадлежащей к той же национальной группе. Обычно это происходит в ситуациях, когда потерпевшая представляется насильнику значительно менее ценной в этическом плане, чем его собственная супруга или некий национальный женский образ.

Теория структурной возможности (Л. Кларк и Д. Левис) основывается на том, что мужчины расценивают женщин как владелиц оплачиваемых сексуальных свойств. С точки зрения мужчины, женская сексуальность – это товар, которым владеют женщины, и даже если при определенных условиях мужчина и является владельцем этого товара, его нужно контролировать. Женщины рассматриваются как хранительницы и скупые распорядительницы страстно желаемого мужчинами товара, а мужчины в погоне за ним должны постоянно обихаживать женщин, заключать сделки и оплачивать удовольствие. Если что-то и лежит в основе женоненавистничества, то именно эти факты. Мужчины, естественно, негодуют и ненавидят женщин, так как они расценивают их как обладательниц того, что им необходимо, и на что они имеют священное право, но что женщины отдают с неохотой. Право на обладание женщиной надо покупать.

Женщины со своей сексуальностью продаются и покупаются на открытом рынке. Мужчины, располагающие деньгами и другими ресурсами, просто заключают сделку в своих собственных интересах. Мужчины, которые непривлекательны и к тому же бедны, будут стремиться завладеть женщиной силой, так как у них нет иных средств, чтобы заключить сделку. Не удивительно, что насильники из низших слоев населения часто в качестве жертвы выбирают женщин среднего класса. В обществе, где женщинам приклеиваются разные ярлыки стоимости, неизбежно, что некоторые из них будут стоить для отдельных мужчин очень дорого, но последние, тем не менее, будут стремиться к тому, что не могут себе позволить.

Критикуя теорию структурной возможности, Т. и Х. Швендингер ставят резонный вопрос: почему же совершаются изнасилования мужчинами с достатком, приятной наружностью и с шармом? Исследования показывают, что в большинстве своем жертвами изнасилований являются женщины, принадлежащие к бедному сословию, и обычно на них нападают мужчины, принадлежащие к этому же классу. Как правило, сексуальные отношения не определяются исключительно принуждением и товарным обменом. В каждой стране миллионы мужчин и женщин, выходцев из рабочих, несмотря на трудности жизни, жертвуют собой друг ради друга и ради своих детей. Поэтому претендующие на универсальность утверждения Л. Кларка и Д. Левиса о том, что взаимоотношения между мужчинами и женщинами

приводят к женоненавистничеству и тем самым основываются на вражде и недоверии, просто неверны.

Еще одна из современных криминологических теорий связывает изнасилования с животными, несоциализированными инстинктами мужчин. Сторонники этой теории считают, что хищническая природа мужчин и их собственнические устремления являются основополагающими причинами полового неравенства и изнасилований. По мнению С. Браунмиллер, эти явления определяются чисто биологическими факторами: «из-за строения половых органов мужчина был натуральным хищником, а женщина служила для него добычей». К тому же мужчина деспотичен от природы, и изнасилование поддерживает его превосходство и привилегии. Изнасилование – не более как осознанный процесс запугивания, благодаря которому все мужчины держат всех женщин в состоянии страха. Тактически насильники – ударная сила, делающая свою черную работу от лица всех мужчин.

Это не только война мужчин против женщин, но и мужчин против мужчин, поскольку в этой теории женщина рассматривается как собственность других мужчин. Изнасилование является выражением естественного эгоистического желания обладать этой собственностью или проявлением мстительности, желанием подчинить себе обстоятельства, порожденные всеобщим эгоизмом. Насильники бросают вызов всему мужскому сообществу, они насиловуют, чтобы властвовать над другими мужчинами или чтобы отомстить своим соперникам.

Сексуальное насилие как решение важнейшей жизненной задачи

Чтобы адекватно объяснить причины изнасилований и сексуальных убийств, недостаточно опираться на достижения сексологии или психиатрии, пусть даже самые современные. Необходимо взглянуть на это преступление с максимально широких социальных, этических и психологических позиций, поставив перед собой вопрос: какую роль вообще играют сексуальные отношения в жизни человека?

Можно взять на себя смелость утверждать, что с древнейших времен и до наших дней внимание мировой цивилизации сосредоточено на трех главных вопросах бытия: жизни, ее смысле и предназначении; таинстве смерти; отношениях между полами. Собственно, этому посвящено все мировое искусство, литература и наука, от «Махабхараты», ведийской и аккадской поэзии, древнееврейских библейских и буддийских текстов, древнегреческих мифов и Гомера – до Пастернака и Фолкнера, и, конечно, с активным участием философов, социологов, богословов, психологов, медиков, этнографов, историков, демографов, юристов и в равной мере скульпторов, художников, композиторов.

Остальные темы – дополнительные и второстепенные, в конечном счете производные, всегда зависящие от названных трех фундаментальных проблем и определяемые ими. В то же время эти последние теснейшим образом переплетаются друг с другом и не существуют изолированно. Если жизнь и смерть – не просто антиподы, но и разные стороны одного целого, то отношения полов находятся между ними, давая начало жизни. Любовь часто становится смыслом жизни и причиной смерти: в убийствах на почве ревности это проявляется очень ярко.

Понятно, что вопросы жизни, смерти и отношений между мужчиной и женщиной нуждаются в особо строгом регулировании и относятся поэтому к числу важнейших в праве. С появлением криминологии как самостоятельной науки эти вопросы стали рассматриваться с активным использованием достижений других наук, в первую очередь психологии и психиатрии, в последние годы – сексологии и сексопатологии, а в будущем, как можно полагать, будут обращаться к достижениям биологии.

Криминология – единственная наука, пытающаяся понять, почему убивают людей, в чем здесь загадка, что хотели сказать природа и общество, делая одного человека орудием уничтожения другого, в чем смысл подобных поступков. Криминология же предпринимает усилия, чтобы объяснить, почему контакт или связь с женщиной либо признание с ее стороны настолько значительны для мужчины, что он применяет насилие, в том числе для овладения ею, а нередко и убивает ее, иногда с особой жестокостью, причиняя невероятные страдания и мучения. Другая не менее сложная тайна: почему жертвами мужского насилия становятся дети – девочки и мальчики, пожилые, даже очень старые, женщины, почему женщины, особенно молодые, принимают активное участие в совершении изнасилований представительниц того же пола? Причем, совершая такие действия, человек обычно теряет свое человеческое обличье, с облегчением сбрасывает с себя покровы цивилизации, рвет ее узы в себе самом, с упоением или яростью отдаваясь инстинктам и влечениям, преступая все мыслимые запреты.

Все эти проблемы имеют бытийный характер, отражают наиболее актуальные потребности людей, их глубинные и интимные основы жизни, причём в таком качестве названные проблемы обычно не осознаются, а еще реже рефлексировются в сознании причины подобных поступков. Но от этого они, вызывая самую острую общественную реакцию, становятся еще больше запутанными.

Понять сексуальных преступников и их поступки можно только в том случае, если проникнуть во внутренний мир этих людей, в то, что составляет основу их бытия и мироощущения. Такое проникновение позволит отбросить распространенное в отечественной науке мнение, что многие преступления, в том числе сексуальные, совершаются случайно и случайными людьми. Конкретные же исследования живых преступников, а не «мертвых» уголовных дел или данных статистики убеждают в том, что нет случайных преступлений и случайных преступников, а преступное поведение внутренне закономерно и даже целесообразно для данного лица. Образно говоря, преступление – это необходимый выбор. Более того, реализуя такое поведение, преступник всегда выигрывает в психологическом плане, что особенно заметно при анализе половых преступлений, поскольку при их совершении имеет место попытка компенсации индивидуальных психологических дефектов личности. Именно эти дефекты определяют, обуславливают применение насилия, а не иного способа разрешения субъективно воспринимаемой и оцениваемой собственной жизненной ситуации.

Поэтому можно сказать, что внутренние причины преступных сексуальных посягательств связаны с особенностями представления преступника о самом себе, с «Я»-концепцией, самопринятием, а также с потребностью получения максимума удовлетворения и тем самым подтверждения (и утверждения) своей личности. Дело в том, что сексуальное насилие и совращение детей наряду с умышленным убийством и умышленным нанесением тяжких телесных повреждений составляют группу таких поступков, которые посягают на сами основы человеческого существования и сосуществования. Поэтому эти посягательства вызывают наибольшее осуждение общества, и для их оправдания и самооправдания труднее всего, а в некоторых случаях и невозможно найти аргументы. Вот почему достаточно обоснованно предположение, что виновному во что бы то ни стало нужно было их совершить, и только в этом случае он получал тот огромный психологический выигрыш, о котором мы упоминали выше. Выигрыш действительно должен быть огромен, иметь поистине бытийное значение, чтобы человек мог решиться на соответствующее действие.

Многие насильники, как можно заметить по их рассказам и конкретным преступным действиям, в момент сексуального насилия ощущают себя подлинными хозяевами жизни, и не только жертвы, но и своей собственной. Глумление над женщиной, ее садистское унижение, характерные для многих «серийных» убийц и насильников, а также для преступных подростковых групп, свидетельствуют именно о стремлении возвысить себя, растоптав другого. Смысл такого, да и любого другого преступления никогда не лежит на поверхности, он всегда спрятан в глубины психики, куда сам человек не умеет, а если бы умел, то далеко не всегда захочет заглянуть. Поиски смысла самых кровавых преступлений никогда не представляют собой попытки оправдать преступника – только понять, только объяснить. Это крайне необходимо, чтобы эффективнее предупреждать подобные деяния, чтобы действительно исправлять преступников.

При этом столь острая нужда в подавлении другого человека, как ни парадоксально, может и не осознаваться, впрочем, чаще всего так и бывает. Более того, мы полагаем, что эта нужда принципиально неосознаваема личностью, так же, как, например, собственная психологическая структура. Нужно особенно подчеркнуть, что нужда, потребность, тем более острая, всегда отражает существенную зависимость от чего-то, что имеет жизненно важное значение, и чем жестче эта зависимость, тем выше вероятность, неотвратимость совершения определенных действий, в нашем случае – преступных. Но осознавать подобную зависимость, тем более лежащую в плоскости глубоко интимных переживаний, сексуальных влечений, почти всегда очень травматично для субъекта, и в этом он редко признается даже самому себе. По этой причине она им вытесняется.

Человек совершает сексуальные преступления в том случае, если не принимает себя таким, каким себе представляется. Неприятие прежде всего проявляется в определенном, негативном эмоциональном отношении к самому себе, к собственному поведению, своему биологическому и социальному статусу. Но иногда (это характерно для совершивших изнасилование) человек, как ему кажется, примет себя при некоторых специфических условиях, являющихся порождением его «Я»-концепции. Например, самоприятие может быть достигнуто, если повышен или сохранен его статус в неформальной группе, преодолено, в психологическом аспекте прежде всего, доминирование противоположного пола либо осуществилось самоутверждение в мужской роли, которое, естественно, трактуется крайне субъективно, и иначе просто не может быть. Утверждение и самоутверждение в мужской роли как раз и имеет бытийное значение для личности. Если она не сможет это сделать, будут подвергнуты сомнению основы ее существования, ее самоприятие.

В иных случаях в основе преступного сексуального поведения лежат не стремление к изменению собственного представления о себе и тем самым повышение самоприятия, а чисто защитные задачи. Изнасилование в этом случае является формой защиты имеющегося представления о себе и самоприятия от угрозы, связанной с определенным субъективно унижающим преступника поведением женщины, которое наносит удар по его самоприятию и оценке себя в мужской роли. При этом важно отметить, что поведение женщины объективно внешне может и не быть таковым. Более того, она может и не подозревать об этом. Представление насильственного преступника о себе строится на том, каким он представляет себя в глазах женщины.

Насильник, например, внезапно налетающий на свою жертву, почти всегда выглядит грозным, внушающим панический страх, и именно это обстоятельство заставляет цепенеть жертву, полностью лишая ее возможности к сопротивлению. Но потом, добившись своего, многие из таких преступников выглядят жалкими, мелкими, ничтожными людьми. Они что-то бессвязно лопочут в целях оправдания, начинают даже обвинять несчастную женщину, иногда просят прощения, а некоторые вдруг начинают объясняться в любви и предлагают встретиться еще раз. Поэтому есть все основания думать, что эта ничтожность и есть подлинная натура насильника. Конечно, подобные преступники от этого отнюдь не становятся менее опасными, но мы должны знать, что к насилию, как правило, прибегают те, которые слабы. Это проявляется в широчайшем диапазоне человеческой деятельности – от спорта до половых преступлений: футбольный защитник, у которого не хватает мастерства, чтобы обыграть нападающего, бьет его по ногам, мужчина, который не может установить с женщиной нормальный сексуальный контакт, насилует ее.

Еще одно важное замечание, относящееся к большинству насильственных сексуальных преступлений: межполовые отношения лишь в силу определенных личностных дефектов, особенно связанных с прожитой жизнью и приобретенным опытом, становятся субъективно наиболее значимыми, т. е. приобретают бытийный характер. Поэтому такие отношения переживаются наиболее остро, что и определяет фиксацию на сексуальной сфере и повышенную сенситивность, т. е. чувствительность, восприимчивость к любым элементам в сфере контактов между мужчиной и женщиной. Предпринимая сексуальное насилие, виновный решает самую главную для себя задачу: подтверждает право на свое существование, бытие в собственных глазах в первую очередь, ибо его бытие зиждется на роли и поведении в сексуальной сфере, на признании себя в этой сфере.

Именно в этом можно найти объяснение, хотя бы и частичное, причин «серии» тяжких сексуальных преступлений, многие из которых заканчиваются убийствами потерпевших, а также многоэпизодных развратных действий в отношении несовершеннолетних. Первое, что обращает на себя внимание при анализе: их совершение почти всегда носит компульсивный характер, т. е. характер вынужденного влечения. Преступника как бы непреодолимо

влечет к названным поступкам, его что-то «тащит» за собой, и в общем-то он мало управляет своим поведением. Причем все это делается в условиях очень большого риска, более чем вероятной кары, и, как показали многочисленные беседы с такими лицами, они вполне понимают исключительно безнравственный характер своего поступка, даже осуждают его и не ищут ему оправдания в поведении потерпевших, но ничего не могут с собой поделать. Как легко можно заметить, их действия очень сильно напоминают действия алкоголиков и наркоманов. Но сходство здесь отнюдь не только внешнее, поскольку и те, и другие неудержимо влекомы и не могут обойтись без того, что вызывает осуждение у всех других. Напрашивается вывод, что и причины у них должны быть схожи, особенно если иметь в виду психологический уровень.

И ни в коем случае нельзя снимать ответственность и с общества, которое не оказывает действенную помощь людям с навязчивыми расстройствами сексуальных влечений. Некоторые половые преступники с полным на то основанием жалуются, что они неоднократно обращались к врачам по поводу таких своих недугов, но им не смогли или не захотели помочь. Например, Ч., 30 лет, был трижды осужден за развратные действия в отношении несовершеннолетних – всегда мальчиков, в присутствии которых онанировал и вовлекал их в гомосексуальные контакты. Онанировать стал с 10 лет, при этом всегда стремился сделать это в присутствии других мальчиков, что позволяет уверенно предположить, что вначале у него развился эксгибиционизм,отягощенный затем гомосексуализмом.

Ч. прожил несчастливую жизнь. До семи лет воспитывался в детском доме, потому что болела мать, а отец был неизвестен, как, впрочем, и отец сестры, и они даже не знают, общий ли у них родитель. Это очень важное обстоятельство, накладывающее значительный отпечаток на всю последующую жизнь, – начать свой жизненный путь в условиях почти полной неопределенности, когда у маленького мальчика отсутствует мать, а об отце вообще нет никаких сведений. Для такого незащищенного родительской любовью ребенка мир приобретает не только враждебный характер, но и весьма неясные очертания. Во всяком случае, это чуждая и непонятная среда, нормы которой поэтому совсем не обязательны, а следовательно, можно потом совращать других мальчиков. Но почему мальчиков, а не девочек? Мать Ч., выздоровев, взяла его домой, но беда в том, что она чрезмерно пила (живший вместе с ней брат был алкоголиком) и вступала в беспорядочные половые связи, причем все это дома, на глазах у сына. Так продолжалось 3 года, и в 10 лет его направили в интернат. Нет ничего удивительного в том, что Ч. «к девочкам никогда не тянуло. Женщины не интересовали и не интересуют совершенно. Я хотел перебороть себя и встречался с одной женщиной 2 месяца, но ничего с ней не получилось, я даже не знал, как и с чего начать». Как мы видим, нанесенная в детстве психотравма оказалась очень глубока.

Этот развратитель трижды отбывал наказание в местах лишения свободы, но ему там не оказали никакой сексопатологической помощи («Меня только все ругали»). Он сам понимал, что так продолжаться не может и уже после первого освобождения обратился к врачу, но помощи не получил. То же самое повторилось, когда он вышел из тюрьмы во второй раз.

Мы думаем, что влекомость и неудержимость при совершении многих сексуальных преступлений, помимо физиологических механизмов, определяется тем, что человеку чрезвычайно важно утвердить то, что составляет основу его существования, а поэтому вновь и вновь он совершает подобные действия. Их повторяемость тем выше, чем меньше его уверенность в себе, чем сильнее у него неосознаваемое стремление стать таким, каким ему хотелось бы себя видеть, но каким он по своему внутреннему ощущению не является, чем больше он нуждается в компенсации своих личностных дефектов, и чем болезненнее для него собственные жизненные провалы и катастрофы. Воздержание от сексуальных посягательств может означать утрату своей индивидуальной определенности – как при алкоголизме и наркомании.

Конечно же, приведенные рассуждения представляют собой не первую попытку особо выделить жизненно важное значение отношений между полами. Выдающийся русский мыслитель Н.А. Бердяев писал: «Вопрос о поле и любви имеет центральное значение для всего нашего религиозно-философского и религиозно-общественного мирозерцания. Главный недостаток всех социальных теорий – это стыдливость, а часто лицемерное игнорирование источника жизни, виновника всей человеческой истории – половой любви. С полом и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия. Это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он также безмерно важен, как и вопрос о поддержании жизни и смерти. Это проклятый, мировой вопрос, и каждый пытается в уединении, тщательно скрываясь, таясь и стыдясь, точно позора, преодолеть трагедию пола и любви, победить половое разъединение мира, эту основу всякого разъединения, последний из людей пытается любить, хотя бы по-звериному»⁴.

Тайна разрыва и тайна всякого соединения... Мучительнейший вопрос, мировой вопрос... Это обо всем человечестве, о всех людях, и преступниках в том числе. Это великая загадка природы, которую каждый решает по-своему, «хотя бы по-звериному». Поэтому мы особенно подчеркиваем индивидуально-бытийный характер проблем, решаемых при совершении большинства сексуальных преступлений. Б.С. Соловьев считал, что «смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма»⁵. Но это – смысл любви, а при сексуальных преступлениях она обычно отсутствует, посягающий, как можно предположить, тоже спасает свою индивидуальность, но, понятно, не жертвует своим эгоизмом, а приумножает его.

Сексуальных преступников отличает целый ряд специфических представлений и ориентаций. Так, для лиц, совершающих изнасилования, ценность женщины обычно очень велика, но в то же время чрезвычайно низка ее половая неприкосновенность. Более того, последняя ими вообще не воспринимается как какая-то ценность, и к женщинам у таких людей двойственное отношение – тяготения и отвергания одновременно. Чем глубже и травматичнее у них переживания в сексуальной сфере и межполовых отношениях, чем меньше они осознаются, чем стабильнее установки на отрицание половой неприкосновенности женщины, чем острее воспринимается она в качестве источника глубокой психотравмы, тем выше вероятность совершения тяжких сексуальных преступлений с нанесением опасных телесных повреждений, в том числе повторных.

Эту же принципиально важную мысль, имеющую объяснительное значение для понимания любых преступлений, можно выразить так: чем жестче психологическая зависимость человека от внешних ситуаций и травматичнее вызываемые ими переживания, тем выше степень его несвободы и, следовательно, вероятность совершения им преступления. Таким образом, несвобода и есть главная глубинная психологическая причина преступного поведения, и в этом плане предлагаемое решение соответствует представлению великого датского мыслителя С. Кьеркегора: «Понятие, противоположное греху, есть не добродетель, а свобода».

Весьма важно отметить, что все черты нравственно-психологической характеристики личности сексуального преступника формируются, развиваются и закрепляются в личности с первых дней жизни индивида. Вот почему справедливо утверждение, что сексуальное преступление, как и любое другое, подготовлено всем ходом жизни, является ее итогом, и вне этого контекста оно не может быть адекватно объяснено. Вот почему генетический анализ

⁴ Бердяев Н.А. Эрос и личность. Метафизика пола и любви. – М., 1989. – С. 17.

⁵ Соловьев В. С. Соч. Т. 2. – М., 1988. – С. 505.

преступных половых посягательств крайне важен для дальнейших сексолого-криминологических поисков, его можно и нужно считать самостоятельным направлением исследований.

Очень интересной и столь же сложной является криминологическая оценка роли аномалий психики в совершении половых преступлений, и изнасилований в частности. Однако представляется необходимым вначале изложить некоторые принципиальные соображения о криминогенности психических расстройств применительно к любым преступлениям.

Психические нарушения не представляют собой субъективную причину преступного поведения, т. е. не должны рассматриваться в качестве главного источника такого поведения, поскольку они могут выступать лишь в качестве внутреннего условия. С учетом результатов последних эмпирических исследований и их теоретической интерпретации мы хотели бы изложить некоторые наши взгляды по этой сложной проблеме.

Не психические аномалии сами по себе порождают преступное поведение, а те психологические особенности личности, которые формируются под их влиянием, поэтому правильнее говорить о криминогенности вторых, а не первых. Эту же мысль можно выразить так: как и внешние социальные условия, психические расстройства не ведут напрямую к преступлению, не преломляясь через психологию субъекта. По этой причине и возникает необходимость проведения психологического, а не только психиатрического исследования. Если названные расстройства непосредственно вызывают общественно опасные поступки, минуя психологию личности, то совершивший их человек, безусловно, должен считаться невменяемым, поскольку именно в психологии «хранятся» его возможности оценивать и контролировать свои действия, руководить ими. Вне личности, в том числе и нравственных установок, «вписанных» в ее психологию, антиобщественное поведение не может расцениваться как преступление. Однако у «аномальных» субъектов, как можно предположить, сфера личностного сужена и деформирована по сравнению с психически здоровыми людьми и соответственно шире, действеннее, активнее сфера, где проявляются нарушения психики.

Поскольку психологические изменения вызываются расстройствами психики, последнее в этом смысле (только в этом!), очевидно, должны быть признаны субъективными причинами преступного поведения. Однако такое признание условно, поскольку надлежащее воспитание, необходимые коррекционные мероприятия способны нейтрализовать криминогенный эффект психических аномалий. Но если такие усилия отсутствуют, преступное поведение становится весьма вероятным. Эта вероятность тем более высока, что в наших условиях психиатрическая помощь населению недостаточна, выявляемость психических нарушений невысока, а традиция обращения к врачу-психиатру практически отсутствует. Особенно пагубно отсутствие коррекционных усилий в отношении детей и подростков, в первую очередь тех, которые живут в так называемых неблагополучных семьях. Здесь сочетание психических расстройств с ненадлежащим отношением родителей к ребенку приобретает качество мощного криминогенного заряда.

В целом же психические аномалии оказывают значительное влияние на сексуальное общение, сексуальные отношения и поведение человека, его полоролевые позиции. Можно выделить следующие аспекты воздействия этих аномалий на совершение половых преступлений, имея в виду, конечно, и период формирования личности преступника:

– психические аномалии, начиная с первых лет жизни человека, могут препятствовать возникновению и развитию адекватных полоролевых установок, осознанию себя в качестве равноправного и равноценного участника сексуальных отношений. Так, психопатии и последствия черепно-мозговых травм способны сформировать ощущение своей сексуальной неполноценности, ущемленности, недостаточности. Более того, в раннем возрасте, например, у мужчины могут быть заложены основы субъективно-искаженного восприятия женщины как угрожающей, разрушительной силы. В силу этого он в отношениях почти с любыми представительницами противоположного пола начинает занимать оборонительную

позицию, а лучший способ защиты – нападение. Отсюда – многие изнасилования, совершаемые «аномальными» преступниками, сопровождаются жестокими избиениями и издевательствами над потерпевшими;

– пограничные психические расстройства мешают установлению нормальных, социально одобряемых отношений с представителями противоположного пола. В этом, как мы уже отмечали, особенно негативную роль играет дебильность. Ей свойственны дефекты мышления и речи, задержки в умственном развитии, низкий запас знаний и слов, неправильное произношение слов, отсутствие многих необходимых в жизни навыков. Движения олигофренов в степени дебильности замедленны, угловаты, однотипны, неловки, мимика и пантомимика отличаются однообразием, бедностью, невыразительностью. Для них характерно «тупое», маскообразное выражение лица, иногда нарушение строения черепа, что в сочетании с внешней неряшливостью и неопрятностью вследствие несоблюдения элементарных санитарно-гигиенических норм существенно препятствует завязыванию и поддержанию принятых отношений с девушками и женщинами. Более того, не исключены насмешки и издевательства со стороны последних. Олигофрены, лишённые возможности удовлетворить свои половые запросы обычным путем, чаще, чем здоровые, прибегают к насилию;

– нарушения психики, которые ослабляют волевые механизмы, способствуют тому, что возникающие у лиц с такими нарушениями половые потребности чаще приводят к преступному сексуальному, в том числе насильственному, поведению. Удовлетворение такой потребности у них не опосредуется социальными нормами, запретами или ограничениями, а потому путь от ее появления до действий по ее реализации короче. Сами же действия достаточно примитивны, иногда внезапны; они подчас и непродуманны, очень редко включают в себя предварительное планирование и тщательную подготовку, сокрытие следов преступлений и т. д. Поэтому успешно предупреждать половые преступления лиц с психическими аномалиями во многих случаях сложно;

– существенное влияние на сексуальное преступное поведение лиц с психическими аномалиями оказывает их внушаемость. Весьма наглядно это проявляется в групповых изнасилованиях, в совершение которых таких лиц, например, олигофренов, втянуть легко, особенно учитывая, что многие из них иным путем не могут удовлетворить свои сексуальные нужды.

Очень важно отметить, что психические аномалии существенно затрудняют усвоение социальных норм, регулирующих отношения между полами. Но это обстоятельство следует рассматривать не изолированно, а в контексте всех связей и отношений лиц с такими аномалиями. Дело в том, что в социально-психологическом плане они отличаются отчужденностью от социально одобряемых ценностей и малых социальных групп, большей, чем здоровые люди, исключенностью из нормального общения, дезадаптацией в микросоциальной среде, ослаблением связей с окружающими. Происходит это и потому, что они обладают субъективно слабыми адаптивными возможностями, и потому, что сама среда их часто выталкивает. Поэтому предупредительное влияние на них других людей в значительной мере неэффективно. В целом, чем хуже человек адаптирован, тем труднее удержать его от антиобщественных действий.

Разумеется, никакой фатальности в совершении сексуальных преступлений, как и любых других, лицами с психическими аномалиями не существует, хотя их среди преступников больше, чем среди законопослушных людей. Криминогенное действие таких расстройств неизбежно лишь на массовом уровне, т. е. на уровне преступности или вида преступности, но отнюдь не отдельного человека. Даже олигофрены при надлежащем воспитании не будут нарушать сексуальные запреты.

Итак, влияние психических аномалий на совершение изнасилований, как и других преступлений, неоднозначно. Поэтому никогда не следует, узнав о совершении необычного сек-

суального правонарушения, уверенно говорить: «Это произошло потому, что преступник психически неполноценен».

Предлагаемая концепция причин изнасилований, основывающаяся на мотивации этих сексуальных преступлений, может быть названа компенсаторной, поскольку имеет место попытка компенсации индивидуально-психологических дефектов личности, и эта попытка реализуется в преступном поведении.

Иными словами, проявляется стремление, как правило, бессознательное, компенсации этих дефектов, которое обуславливает сексуальное насильственное преступление. И именно эти дефекты определяют то, что человек прибегает к насилию, а не к иным способам разрешения субъективно воспринимаемой и оцениваемой собственной жизненной ситуации.

Парафилии и их роль в сексуальном насилии

Термин парафилия (с греч. *para* – около, ни к месту, изменено + *philia* – любовь) впервые был использован Крауссом, а в последующем Б. Карпман ввел его в американскую психиатрию (1934 г.). Он обозначает различные формы отклоняющегося сексуального влечения, которое приводит к поведению, противоречащему стереотипам половой морали. В последнее время этот термин используется все чаще в качестве замены понятия «перверсия» (извращение) с тем, чтобы подчеркнуть биологические, медицинские аспекты отклонений полового влечения, а не фиксировать внимание только на нарушениях половых предписаний общества.

Согласно американской классификации психических расстройств, а также Международной классификации болезней парафилия является особым психическим (сексуальным) расстройством, ей предоставлено право на обособленное и равноправное положение наряду с другими болезнями. Это тем более обоснованно, что современные представления о природе аномального сексуального поведения определенно указывают на первостепенное значение нарушений целого ряда биологических процессов. Становится все более очевидным, что парафилии в конечном счете во многом связаны с патологией мозга, нарушение функционирования которого приводит к глубоким искажениям всего хода биологического и психического развития личности. Несомненно, что социальные влияния остаются крайне существенными, определяя совершенно различные условия для проявления имеющихся аномалий.

Поскольку любое отклонение сексуального поведения является в той или иной мере отражением более глубокого нарушения половой идентичности, т. е. целостного переживания и осознания себя как представителя пола, значимыми оказываются не только психофизиологические задатки, но и особенности раннего контакта с матерью и характера взаимоотношений между обоими родителями. Не менее важное значение имеет общая атмосфера, в которой происходит усвоение общепринятых ценностей и стереотипов поведения. Вряд ли возможно пройти мимо того факта, что у двух наиболее страшных садистов нашего времени детство прошло в условиях оккупационного режима с неизбежно присущими ему элементами «садического» мира. У одного из них самым ярким впечатлением детства явились последствия бомбардировок, после которых он с трепетом вспоминал лежащие в лужах крови изувеченные человеческие тела. У другого своеобразное эмоциональное состояние с переживанием одновременно страха и сексуальных ощущений впервые возникло в ответ на убийство немцем собаки. В дальнейшем сочетание до блеска начищенных сапог и крови определили даже некоторые конкретные свойства объекта влечения, который обязательно должен был носить сверкающую обувь.

Сутью парафилий является использование в качестве стимулов сексуального возбуждения прежде всего запретов (табу) данной культуры. Несмотря на их в целом всеобщий характер, степень допустимости того или иного поведения различается в каждом обществе. Различная ценность отдельной человеческой жизни, достоинства личности, особенно если это касается женщины, может определить и ту дистанцию, которая существует даже в патологической психике, от аномальных побуждений до их воплощения, в частности, в насильственных формах. Все эти условия, являясь социальными, могут становиться значимыми факторами только тогда, когда они превращаются в социально-психологические, т. е. когда они вступают во взаимодействие с определенной готовностью, создаваемой своеобразными биологическими условиями существования организма.

Стремление к нарушению социальных запретов в случае парафилий приводит к тому, что ряд из них связан с нарушением и уголовно-правовых норм поведения. В свое время

именно это обстоятельство особо подчеркивал маркиз де Сад, писавший о первостепенном значении для достижения удовлетворения совершения преступления. Часто это отражается непосредственно в поведении лиц с парафилиями, которые намеренно стремятся к созданию эмоциогенных ситуаций, связанных с нарушением существующего закона. Это поведение начинает напоминать своеобразную игру, балансирование на лезвии бритвы. Типичный пример этого – поведение Джека-Потрошителя, давшего прозвище не одному своему последователю.

Осенью 1888 г. английские газеты, в том числе «Таймс», посвящали целые полосы странным убийствам в одном и том же квартале Лондона – Уайт-Чепл. Таинственный преступник, сразу же получивший прозвище «Джек-Потрошитель», совершал свои деяния стереотипным, хотя и нестандартным почерком. Одно из судебно-медицинских обследований гласило: «Вскрытие показало тридцать девять ранений, нанесенных двумя видами холодного оружия – ножом с длинным лезвием и хирургическим скальпелем. Десять ранений на горле, семнадцать на груди, тринадцать на животе...» Описание комнаты одной из жертв напоминало акт инвентаризации анатомического театра. Обычно он прежде всего перерезал им горло, затем вскрывал живот и рылся во внутренностях. Во многих случаях он вырезал наружные и внутренние половые органы и брал их с собой. В других случаях он удовлетворялся тем, что разрезал их на мелкие части. Все жертвы – женщины, обычно слегка за сорок лет, известные в своих кругах проститутки. В лондонских трущобах того времени, по оценке одного епископа, их было восемнадцать тысяч, хотя по данным полиции – не более восьми тысяч.

Полиция получила сотни анонимных писем от предполагаемого убийцы, на них тридцать четыре – с подписью «Джек-Потрошитель». Результаты графологического анализа были противоречивы, но постепенно полиция пришла к выводу, что убийца – иностранец, скорее всего поляк.

Особенно обескуражил полицию иронический тон посланий, убежденность преступника в безнаказанности. Некоторые письма были написаны в стихах. Иногда указывалась дата очередного убийства, которая сбывалась с точностью до одного-двух дней. В одном из конвертов была половина почки. Из примечания следовало, что другая половина пошла на дегустиацию в жареном виде.

За ходом следствия следили все в Соединенном Королевстве, а королева Виктория даже давала полиции свои советы и рекомендации. Тираж газет рос, доходы владельцев ночных заведений катастрофически падали. Видя бессилие полиции, они создали Комитет бдительности и назначили солидное вознаграждение за поимку маньяка. Газеты, ориентируясь на общественное мнение, требовали смещения руководителей полиции. В результате ушел в отставку генерал Чарльз Уоррен, верховный полицейский комиссар Англии.

С 9 ноября 1888 г. убийства прекратились. Следы Потрошителя исчезли. Начальник лондонского уголовного розыска Роберт Мелвиль в своих записках пытался позднее занизить число жертв и поднять пошатнувшийся престиж полиции. Он даже утверждал, что располагал документами, устанавливающими личность преступника, но затем был вынужден уничтожить их. По словам Мелвиля, убийца был помещен в психиатрическую лечебницу, где и покончил с собой. Тем не менее, профессиональные сыщики и детективы-любители продолжали пытаться установить истину, не выказывая большого доверия к словам сэра Мелвиля. Поиск продолжается и до сих пор. В 1959 г. вышла книга Дональда Мак-Кормика «Личность Джека-Потрошителя», в которой автор на основе анализа всех материалов приходит к выводу, что преступник был выходцем из России по фамилии Коновалов. Не исключалось, что у него была и вторая фамилия – Педаченко, и что он работал в поликлинике, которую часто посещали проститутки Уайт-Чепла. Оказывается, в 1905 г. бюллетень рос-

сийской хроники дал описание Коновалова-Педаченко (была указана еще и третья фамилия), которое совпадало с портретом, составленным лондонской полицией.

Помимо этой книги вышли и другие. Одна из них – «Квартирант», принадлежавшая известной романистке Лондес Беллок, была не раз экранизирована. Писательница сделала из Джека борца за очищение мира от скверны проституции, руководимого добродетельными побуждениями, прилежного чтеца Библии. Однако данное понимание вряд ли соответствует действительности, поскольку речь в этом случае шла о поведении человека с измененным сексуальным влечением.

Лишь совсем недавно в Ливерпуле нашли дневник, как полагают, настоящего потрошителя – Джеймса Мейбрика, торговца хлопком. Примечательна кара, постигшая Мейбрика, – он был отравлен своей женой Флоренс в припадке ревности в 1889 г.

Зачастую сам девиантный акт лиц с парафилиями становится для них не только способом удовлетворения сексуальной потребности, но и своеобразным способом собственной эмоциональной регуляции, связанным с изменением неудовлетворительного психического состояния.

А., 1954 г. р., в Центр поступил 03.03.89 г.

Дед его по линии отца в пожилом возрасте лечился в психиатрической больнице, покончил жизнь самоубийством. Отец злоупотреблял алкоголем, был агрессивным даже в трезвом состоянии, в состоянии раздражения дрался с матерью, бил мебель, дети в подобных ситуациях часто убегали из дома. Был строг с детьми, держал их в «ежовых рукавицах». До последнего времени отношения с отцом плохие, конфликты с ним периодически перерастали в драки. Больше тянулся к матери. Воспитывался вместе с младшим на три года братом, с которым, несмотря на возникавшие иногда ссоры, был дружен. Рос слабым, болезненным ребенком, дважды перенес воспаление легких. В школу поступил в 7 лет, успевал хорошо, принимал активное участие в общественной жизни, увлекался чтением, занимался спортом. По характеру был общительным, уравновешенным, имел много друзей. До 13 лет был невысокого роста, ниже многих подростков, однако затем стал быстро расти, значительно обогнав сверстников к 17 годам. В возрасте 12–13 лет, упав на катке, перенес травму головы с кратковременной потерей сознания, рвотой. В последующем отмечал у себя раздражительность, вспыльчивость, испытывал сильные приступообразные головные боли, сопровождавшиеся потерей бокового зрения справа, онемением правой половины лица, кисти, туловища. Состоял на учете в ПНД с 4.10.68 по 15.01.71 г. с диагнозом «посттравматическая церебрастения». На приемах был бледным, астенизированным, жаловался, что во время резких приступов была сонливость, отмечались шаткость походки, быстрая утомляемость. После лечения состояние его улучшилось, и с учета он был снят. Либи́до платонического характера с 13 лет. Отмечает, однако, что «с юных лет» у него не складывались отношения с женщинами, в присутствии которых он терялся, чувствовал себя неуверенно, не мог установить более близких контактов. Первый половой акт в 16 лет с женщиной старше его на 2 года, по его словам, «легкого поведения», по ее инициативе. Несмотря на полноценную эрекцию и интромиссию, осталось ощущение неудачи, был уверен, что не соответствовал желанию партнерши и не смог ее удовлетворить. Онанизм с 17 лет, раз в месяц, с этого же возраста поллюции, которые в последующем (во время службы в армии) отмечались не чаще раза в месяц. С женщинами вступать в интимные отношения боялся, несмотря на предоставлявшиеся возможности, из-за постоянного опасения фиаско. Вторая связь в 18 лет с разведенной женщиной, с которой встречался полгода, не настаивая на интимных отношениях. Половой акт совершил с ней за несколько дней до проводов в армию, считает его также неудачным, кратковременным, хотя называет приблизительную его продолжительность 5 минут. Окончив 10 классов, работал слесарем и одновременно обучался на вечернем отделении МВТУ им. Баумана. С 1973 по 1976 г. служил в морских частях погранвойск. Уво-

лился на общих основаниях в звании корабельного старшины, проживал с родителями, работал, продолжал учиться. В 23 года женился на разведенной женщине, старше его на 2 года, от брака имеет сына 1978 года рождения. Половую жизнь с ней начал после 2–3 месяцев встреч и за 3 месяца до регистрации брака. Первое время совместной жизни частота половой жизни достигала 4 актов в неделю, иногда с эксцессами. Максимальный эксцесс в этом возрасте – 3 половых акта. Считает жену легко возбудимой, форшпиль – 10 минут. Изредка употреблял алкоголь, в состоянии опьянения становился раздражительным, «возбужденным, вел себя странно», утром говорил, что был как в тумане и не помнит происходившего. На работе в тот период зарекомендовал себя добросовестным, исполнительным, награждался почетными грамотами, заносился на доску почета, принимал активное участие в общественной жизни коллектива. В 1979 г. он впервые привлекался к уголовной ответственности за изнасилование, в связи с передачей его на поруки коллектива уголовное дело было прекращено. В производственной характеристике отмечается, что после этого случая он стал грубым, раздражительным, несдержанным. В 1980 г. вновь привлекался к ответственности за попытку изнасилования и разбойное нападение после того, как в состоянии алкогольного опьянения напал на девушку, отобрал у нее сумку. В течение этого дня распивал спиртное, вечером стал преследовать гр-ку Д., напал на нее в подъезде, отобрал сумку и скрылся. В тот момент, по его словам, при виде женщины его «внезапно потянуло», возникло желание, постепенно нарастало возбуждение, появилось чувство «внутренней агрессивности», все тело «охватила дрожь», после чего стал догонять ее, а повалив наземь, сдавил горло, чтобы «заставить ее подчиниться». С 4.08 по 2.09.81 г. находился на судебно-психиатрической экспертизе в Институте им. Сербского. В то время он был доступен контакту, выглядел несколько подавленным, акцентировал внимание на перенесенной в подростковом возрасте травме головы, отмечал, что в последние годы чувствовал себя бодрым, активным, несмотря на большие нагрузки, головные боли возникали редко. Правонарушения объяснял сильной степенью опьянения, заявлял, что случившееся помнит не полностью, «клоками», утверждал, что не владел собой, был «на полном автопилоте». Комиссия пришла к заключению, что А. хроническим душевным заболеванием не страдает, его следует считать вменяемым. А. был осужден на 6 лет лишения свободы. Из ИТК направлялся на стройки народного хозяйства, освобожден в декабре 1985 г. В период отбывания наказания прибегал к мастурбации до 2 раз в месяц, поллюции наблюдались с той же частотой. После освобождения проживал с семьей, работал слесарем на комбинате, проявил себя технически грамотным, дисциплинированным специалистом, активно участвовал в рационализаторской работе. В мае 1987 г. был назначен сменным техническим мастером энергетической службы завода. В последнее время несколько изменилось отношение к работе, имел упущения, стал резок с руководством, вспыльчив, высокомерен.

Обвиняется в том, что 17.09.88 г. совершил изнасилование гр-ки К. в извращенной форме, при этом нанес ей множественные удары в область живота, душил за горло. В процессе следствия сообщил, что изнасиловал еще двух женщин подобным же образом. Потерпевшие отмечали, что он был не пьяным, но очень злым, угрожал убийством, сильно душил за горло, давил на глаза, разрывал рот, бил кулаками в живот, старался ввести половой член в рот или задний проход. При судебно-медицинском освидетельствовании у потерпевших были обнаружены кровоизлияния глазных яблок, ссадины на слизистой губ, шеи, кровоподтеки в области спины, глазниц, правого предплечья, волосистой части головы, радиальные трещины и надрывы в области заднего прохода. Во время следствия, давая показания, сообщил, что после возвращения из колонии с 1987 г. у него было много подобных незафиксированных случаев. Всегда было ощущение, что «это все делал не я, а кто-то другой», желание изнасиловать возникало «неожиданно», часто не помнил подробностей случившегося, «больше доверял показаниям самих потерпевших». Во время амбулаторной судебно-психи-

атрической экспертизы сообщил, что периодически у него появлялись апатия, раздражение, он начинал «как бы представлять процесс изнасилования», ничем не мог отвлечься, заканчивалось все тем, что на улице встречал женщину, «набрасывался на нее, пытался душить». После изнасилования мучило раскаяние, появлялись мысли о самоубийстве. Вопросы о его психическом состоянии и вменяемости решены не были. При обследовании в Центре выявлено следующее.

Соматическое состояние. Высокого роста, астенического телосложения, пониженного питания, язык слегка обложен беловатым налетом. Заключение терапевта: «Хронический гастрит со сниженной секреторной функцией».

Неврологическое состояние. Асимметрия лицевого черепа. Ослаблена конвергенция, сглажена правая носогубная складка, легкая девиация языка вправо. Сухожильные рефлексы оживлены с расширением рефлексогенных зон. Брюшные рефлексы несколько снижены. Выраженный гипергидроз, акроцианоз. Дермографизм красный, стойкий. На краниограммах отмечаются пальцевые вдавления, усиление сосудистого рисунка. На электроэнцефалограмме имеются легкие диффузные изменения преимущественно в стволовой части головного мозга, на М-эхо смещения не обнаружено. Заключение невропатолога: «Вегетативная дисфункция. Мигренозный синдром».

Сексологическое обследование. Диспластичен, ближе к евнухоидному сложению. Бигуморальная дистанция 44 см, битрохантерная 36 см. Окружность грудной клетки 91 см, диаметр сосков 3 см. Трохантерный индекс 1,86 (186:100). Оволосение лобка с тенденцией к горизонтали. Наружные половые органы сформированы правильно, длина полового члена 9 см, окружность 8 см. Правое яичко 6/4 см, левое – 4/3 см, плотной консистенции, болезненное при пальпации (со слов, в 1987 г. перенес орхит). Складчатость и пигментация мошонки выражены.

Психическое состояние. Во время беседы держится естественно, речь его последовательная, свободная, мимика адекватная. Анамнестические сведения излагает подробно, охотно. Сообщает, что в последние годы у него часто возникают перепады настроения, неожиданно на фоне хорошего самочувствия появляются раздражительность, злобный оттенок в настроении, «внутреннее недовольство, неустроенность». Подчеркивает, что часто в эти минуты ссорится с женой, наказывает сына, возникают мысли о нападении на женщин. Кроме этого, такие состояния обычно сочетаются с навязчивыми представлениями сцен изнасилования, предшествующих половому акту. Эти представления были сильны и мучительны, не мог найти себе места, старался выполнять тяжелую физическую работу, чтобы как-то отвлечься от них. Сообщает, что вначале он мог бороться со своими желаниями, противодействовать им, но в последнее время утратил эту способность, нападал на женщин в трезвом состоянии, не мог удержаться и пройти мимо женщины. Сообщает, что в последнее время нарастала частота таких действий, которая достигла 1 раза в неделю. Связывает это нарушение с неудачным первым половым актом в 17-летнем возрасте, постоянным опасением своего «падения», субъективным ощущением низкой потенции, желанием «подавить» партнершу. Однако указывает на начало возникновения подобных желаний в период отбывания наказания, когда стал перед засыпанием представлять сцены, в которых догонял незнакомую женщину, закрывал ей рот, душил, а добившись ее подчинения, срывал одежды, дотрагивался до груди и половых органов. Такого рода сцены стали возникать в сновидениях, завершавшихся поллюциями, а также сопровождать мастурбаторные акты. Подобные фантазии участились через год после освобождения. Утверждает, будто желание осуществить свое влечение возникало каждый раз неожиданно для него, после таких действий чувствовал раскаяние, появлялись мысли о самоубийстве, был раздражен, мог в таком состоянии ударить жену. Частота реализованных нападений в последнее время достигла 1 раза в неделю, реже – в месяц, ограничиваясь чаще хулиганскими действиями. Алкоголь

всегда являлся провоцирующим фактором и усиливал эти стремления, но в последние годы часто бывал при этом трезвым. Часто не помнил последовательности событий нападения на женщину, после случившегося испытывал раскаяние, «мучила совесть», возникали суицидальные мысли. Первые две недели пребывания в отделении был вял, плаксив, астенизирован, предъявлял жалобы на трудности при засыпании, сонливость днем, много времени проводил в пределах постели. В дальнейшем состояние его улучшилось. При экспериментально-психологическом исследовании обнаруживается достаточно высокий уровень обобщения со способностью использовать существенные свойства объектов при обобщении, оперировать категориальными абстрактными понятиями, условными смыслами. По данным теста Розенцвейга, исследования «Самооценки», теста Кеттелла выступают ориентация на социально одобряемые нормы, устоявшиеся мнения, традиции с некоторыми трудностями принятия нового, склонность фиксироваться на неудачах. Отмечается конформность испытуемого, тенденция учитывать точку зрения окружающих. На фоне стремления к контролю своих эмоциональных проявлений обнаруживается эмоциональная неустойчивость с возможностью возникновения реакций раздражения. Выявляется ситуационно обусловленное повышение тревожности, напряженности, сниженный фон настроения.

Парафилии, хотя и связаны с социальными условиями, в большей степени обуславливаются биологическими факторами, которые, конечно, не непосредственно приводят к преступлению, а проходят личностный фильтр. Поэтому количество сексуальных преступлений стабильно, а их предупреждение актуально для всех стран. Именно аномалии сексуальности, и прежде всего парафилии, определяют совершение как наиболее тяжких, так и наиболее рецидивных правонарушений. В этом заключается их способность, отличающая парафилии от иных психических аномалий. Если последние выступают в роли вероятностного условия совершения антиобщественных действий, то парафилии почти однозначно ведут к совершению уголовно наказуемых деяний, ибо нет извращения без активности, нарушающей половые стандарты. Содержание противоправных действий при этом часто целиком исчерпывается имеющейся патологией сексуальной сферы, тогда как другие психические расстройства лишь влияют на формирование мотивов противоправного поведения. Очевидно, что в любом другом криминальном акте также отражается некая потребность. Однако при парафилиях имеется изначальная патология потребностной сферы, в связи с чем ее опосредование личностью затруднено, а чаще всего она не способна обеспечить социально приемлемую сексуальную активность. Подобная неразрывность потребностной и деятельностной сторон парафильного синдрома комплекса приводит к тому, что существующее уголовное право, по существу, наказывает не столько за совершаемое человеком правонарушение, сколько за имеющееся у него расстройство. С этой точки зрения обоснованность наступления уголовной ответственности лиц с парафилиями в принципе представляется сомнительной: если психическая аномалия является причиной общественно опасных действий, то нет преступления.

Может показаться, что подобная позиция вступает в противоречие с основополагающей концепцией о ведущей роли социальных элементов поведения, в том числе его антиобщественных и противоправных форм. Однако это противоречие легко устраняется, если учесть, что в случаях парафилий нормами права ставится рискованная задача дать оценку биологическому функционированию человека, пусть даже в той или иной степени измененному. Другое дело, что не всякое аномальное сексуальное поведение обуславливается имеющимися парафилиями, однако если они выявляются, возникает необходимость определения как степени вины, так и меры ответственности.

Существует по меньшей мере сорок различных парафилий, имеющих свои названия. Не все из них связаны с уголовно наказуемыми сексуальными деяниями. Большинство же включены в упомянутую американскую классификацию как парафилии неопределенного

типа. Среди них под своим собственным названием фигурируют сексуальный садизм, мазохизм, педофилия, эксгибиционизм и некоторые другие извращения. Данная классификация, наиболее адекватно отражающая особое место парафилий среди других психических расстройств, конечно же, является условной. Особенно это стало очевидным в свете последних данных, поскольку исследователи стали обращать внимание на практически обязательное сочетание у одного больного сразу нескольких типов парафильного поведения, в последовательной смене которых отражаются определенные закономерности развития данной патологии. Примером может служить приводимое ниже наблюдение.

Д., 31 год, обвинялся в двух разбойных нападениях, одно из которых сопровождалось нанесением тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего.

Раннее развитие протекало без особенностей. В возрасте 11 лет попал под поезд и в связи с ушибом головы долго лечился в больнице, пропустил занятия в школе и был оставлен в 3-м классе на второй год. Рос общительным, возбудимым. С 14 лет в группе с другими сверстниками участвовал в совершении гомосексуальных актов с одним из подростков. В дальнейшем старался уединиться с ним, чтобы совершать гомосексуальный акт одному. Окончил ПТУ. В 19 лет начал служить в армии, быстро выдвинулся на командную должность. Имея в своем распоряжении служебное помещение, использовал его для совершения гомосексуальных актов с подчиненными сослуживцами. Особенно постоянными стали отношения с одним из солдат. При половом акте с ним заметил, что стоны партнера вызывают у него большее возбуждение, а удовлетворение было тем выраженнее, чем громче тот кричал. В последующем сам заставлял его стонать, бил по голове, добиваясь, чтобы он «выгибался дугой» от боли. После увольнения в запас стал злоупотреблять алкоголем, вскоре был осужден за разбойное нападение. Продолжал прибегать к гомосексуальным актам, в связи с чем был осужден за мужеложство. После этого стал более осторожным, однако иногда желание возникало настолько остро, что не мог удержаться. Однажды ночью в таком состоянии увидел во дворе щенка, попытался ввести половой член в его анус. После неудачи сделал надрез на шее собаки и совершил половой акт в рану. Вступая затем в половые отношения с одним из осужденных, обратил внимание на его белого цвета носки, которые вызвали яркое воспоминание о белых ногах убитой собаки. Понимая неестественность своих сексуальных переживаний, надеялся на изменение направленности влечения после освобождения, сразу женился. Однако уже в ночь после свадьбы вновь возникло острое желание, ушел из дома, уехал в соседний город. Встретив там парня с собакой, заманил его в уединенное место, стал предлагать вступить в половую связь. На его отказ отрезал собаке голову, после чего принудил его к половому акту, во время совершения которого нанес ему ранения, проведя ножом по спине. В дальнейшем пытался всячески разнообразить половую жизнь с женой: просил ее издавать во время полового акта звуки, специально одевал ее в нравившееся ему белье, пробовал несколько раз совершить анальные половые акты, от чего она отказывалась. Вместе с тем влечение к гомосексуально-садистическим действиям не исчезало, при них получал более выраженное удовлетворение. Не реже 1 раза в месяц совершал попытки таких действий, в поисках партнеров обычно посещал рестораны или винно-водочные магазины, особо привлекали юноши и мужчины в белых носках. Обычно заводил выбранную жертву в подвал, где сначала предлагал близость, а в ответ на обычный отказ начинал избивать партнера, чаще всего добивался совершения полового акта.

Обвинялся в разбойном нападении, которое совершил в алкогольном опьянении с соучастниками, а также в нанесении тяжких телесных повреждений мужчине, с которым участвовал в распитии спиртного. При этом потерпевший был обнаружен во дворе дома полуобнаженным.

После помещения в НИИ общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского вызвался на беседу, был взволнован, наблюдалась общая дрожь тела, крупноразмашистый тремор рук.

Сообщил, что у него начинается «тягун» – выраженное половое возбуждение с влечением к соседу по палате. Опасаясь изнасилования намеченной уже жертвы, просил изолировать его от других испытуемых. В последующем подробно рассказывал об особенностях своего сексуального влечения, отмечал, что подобное состояние наблюдается у него примерно раз в месяц, начинаясь с раздражительности, злобности. В такие периоды искал повод для ссоры с женой, после чего уходил из дома на поиски жертвы. Пояснял, что при встрече с очередным юношей возникало страстное и неудержимое желание «измять» все его тело, при этом никогда не достигал ожидаемого ощущения и удовлетворения, после свершившегося испытывал равнодушие к партнеру, который становился ему безразличен. При расспросах о правонарушениях волновался, плакал, говорил, что у него не было намерения грабить и убивать потерпевшего, пытался объяснить содеянное возникшим в тот момент влечением к нему, после чего ни о чем уже думать не мог.

Как видим, в данном случае формирование садизма происходило одновременно с изменением объекта сексуального влечения, причем чаще всего ограниченного предпочтениями фетишистского характера (напомним об особом значении белых носков).

Вообще рассмотрение парафильного поведения затрудняется нерешенностью проблем основополагающего, концептуального порядка. К их числу можно отнести отсутствие удовлетворительной классификации парафилий, до сих пор сводимой либо к повторению фрейдовского их деления по признакам объекта влечения и способам его реализации, либо к фактическому перечислению необозримого множества форм аномального сексуального поведения. Такое положение связано прежде всего с тем, что нет достаточно четких представлений о происхождении данной патологии. В такой ситуации неизбежны максимально расширительные трактовки, в рамках которых становится возможным уложить все имеющиеся теории. В качестве таковой, объединяющей практически все существующие, в настоящее время выступает дизонтогенетическая концепция нарушений психосексуальных ориентаций⁶. Согласно ей, парафилии являются результатом нарушения онтогенеза (процесса развития индивидуального организма) с фиксацией форм сексуального влечения, свойственных более ранним этапам.

Данная концепция рассматривает аномалии сексуального поведения как следствие нарушения процесса психосексуального развития. Выделяются три этапа психосексуального развития. На первом (1–7 лет) происходит формирование полового самосознания, т. е. осознание половой принадлежности собственной личности. На втором (7–13 лет) происходит выбор половой роли с выработкой форм поведения и переживаний, наиболее соответствующих психофизиологическим особенностям ребенка и идеалам мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности) микросоциальной среды. На третьем (12–26 лет) происходит формирование психосексуальных ориентации с выбором объекта сексуального влечения и способа его реализации.

Таким образом, согласно данной концепции, конкретный вид отклонения сексуального поведения зависит от периода, в который произошло нарушение. В случае патологии на первых двух этапах возникают различные формы аномалий сексуальности, формирующиеся на основе нарушений полового самосознания и полоролевого поведения, такие как транссексуализм (искажение полового самосознания) и гомосексуализм. Одновременно сюда же включаются такие разновидности парафилий как садизм и мазохизм, рассматривающиеся как проявления патологического гиперролевого, т. е. утрирующего присущие данному полу особенности, поведения, тогда как иные виды сексуальных извращений рассматриваются особо в качестве отдельных форм отклонения процесса психосексуальных ориентаций.

⁶ Частная сексопатология / Под ред. Г. С. Васильченко. Т. 2. – М., 1983. – С. 53–115.

Одна из первых попыток представить мазохизм и садизм как альтернативные проявления утрированных особенностей соответственно женского и мужского полового влечения принадлежит Крафт-Эббингу, который настаивал на полной противоположности этих извращений полового влечения. Исходя из данной аналогии, он, определяя истоки садизма, говорил, что активная роль мужчины, его задача завоевания женщины при патологических условиях может возрасти до стремления к безграничному подчинению себе. Однако столь прямолинейный взгляд поставил его в затруднительное положение при объяснении случаев сосуществования садизма и мазохизма, где именно представление о подчинении является исходной точкой извращенной похоти то в активной, то в пассивной форме.

Примеры, иллюстрирующие положение о патологическом гиперролевом поведении как основе садизма, подобрать несложно.

З., 48 лет, обвинялся в изнасиловании.

Мать в пожилом возрасте лечилась у психиатров, отец злоупотреблял спиртными напитками. В раннем детском возрасте был свидетелем сцен ревности и скандалов, которые устраивала мать, обвиняя отца в изменах. В дошкольном возрасте испытывал страхи, пугался точки на стене, которая ему виделась. В школе учился удовлетворительно, был спокойным, послушным. Отмечает, что его всегда «влекло к женскому полу», якобы, играя в детстве в «папу с мамой», у него возникало половое возбуждение с эрекцией. С 11-летнего возраста стал онанировать. Научился этому у своего друга старше его на 3 года, который рассказывал ему о женщинах и о половой жизни. В 12 лет стал подглядывать за женщинами в бане, мастурбируя при этом. В этом же возрасте при мастурбации произошло первое семяизвержение. Онанировал в тот период почти ежедневно, сопровождая это гетеросексуальным эротическим фантазированием, периодически раздевался перед зеркалом, измерял свой половой член, что сопровождалось приятными ощущениями. Наличие когда-либо поллюций отрицает. С 17 лет постоянно обращался к врачу с жалобами на сильные головные боли. Первый половой акт совершил в 18 лет с девушкой своего возраста в трезвом состоянии по обоюдному согласию. Впоследствии половая жизнь с ней происходила достаточно регулярно в течение года с частотой 2–3 раза в неделю с периодическими эксцессами до 4 половых актов в день. Каких-либо трудностей при половых актах не испытывал. От первой сожительницы заразился гонореей. Этим объясняет то, что примерно в 20-летнем возрасте он на какое-то время охладел к женщинам, стал испытывать к ним чувство отвращения, было «противно» с ними общаться. В то же время утверждает, что в этот период он почти ежедневно мастурбировал, представляя симпатичных женщин. Примерно с 25 лет стал испытывать влечение к обнажению половых органов, которое сохранялось до 33 лет. В 25-летнем возрасте женился, однако через 5 лет совместной жизни развелся из-за взаимных измен. Вторым раз женился в 31 год. От второго брака имеет ребенка. Вновь возникло отвращение к жене и всем женщинам после того, как жена однажды предложила сделать ему фелляцию (минет). После этого стал считать всех женщин развратными, достойными обращения с ними лишь как с животными, в том числе и при сексуальных контактах. В 33 года впервые совершил изнасилование незнакомой женщины. Утверждает, что ночью почувствовал, как какая-то сила тянула его к незнакомому месту и требовала встретить там женщину, которая обязательно должна была пройти. По его словам, он действительно встретил в указанном месте одинокую женщину, которую затем изнасиловал. В дальнейшем совершал изнасилования якобы после того, как ночью его поднимал с постели «голос», который требовал совершить изнасилование и указывал место и время, где должна была пройти очередная жертва. Живя регулярной половой жизнью со второй женой и имея одновременно двух внебрачных сексуальных партнеров, З. несколько раз в неделю по ночам совершал изнасилования, иногда совершал до 3 изнасилований в течение суток. При этом отрицает какое-либо насилие по отношению к потерпевшим, хотя и утверждает, что добивался половой близости с ними угрозами и внезапно

нападения. Впоследствии стал замечать, что ему доставляет удовольствие не половой акт, а наблюдение за реакцией жертвы, ее страх, сопротивление. При этом считал, что именно так необходимо вести себя с женщинами, считал их всех «самками», получающими от такого обращения удовольствие. Порой семяизвержение у него происходило, когда хватал жертву и, видя ее испуг, начинал ее раздевать. В 34 года был впервые привлечен к уголовной ответственности за совершение 20 и покушение на 4 изнасилования взрослых женщин и 3 несовершеннолетних девочек. При обследовании психиатрами в тот период он говорил, что женщина ему вообще не была нужна, был необходим сам момент нападения, сопротивления. Заявлял, что у него появлялось желание искушать, растерзать жертву. Утверждал, что у него две радости в жизни – его сексуальные влечения и дочь. Отбывая наказание, он систематически мастурбировал и периодически совершал анальные половые акты с другими заключенными, выступая при этом в качестве активного партнера. Сексуальное влечение к мужчинам категорически отрицает. За время отбывания наказания он якобы «пересмотрел» свое отношение к женщинам, стал видеть в них людей, имплантировал себе под кожу крайней плоти инородные тела для того, чтобы при половом акте доставлять женщине большее удовольствие. Вел переписку с женщиной, с которой после освобождения стал сожительствовать. В сексуальном плане она его удовлетворяла, он испытывал к ней нежность, однако через некоторое время вдруг «понял», что и эта женщина хочет совершить с ним фелляцию (минет). После этого вновь возникло отвращение и презрение к партнерше и ко всем женщинам, появилось желание насиловать женщин «как кур».

При обследовании в Институте им. В.П. Сербского во время беседы волновался, просил разобраться в его состоянии и избавить его от болезни. Многословно, обстоятельно рассказывал о своих сексуальных переживаниях. Описывал состояния, когда ночью чувствовал, как какая-то сила тянула его к незнакомому месту, где якобы должна была пройти женщина. Такие эпизоды сопровождались внутренней борьбой, когда «один голос говорил идти и встретить женщину, а другой – останавливал, напоминая об ответственности». Встречая красивую женщину на улице, якобы иногда на мгновение «терял сознание», а затем мог подолгу идти за ней следом, «как привязанный». По его словам, неоднократно задерживался милицией за «приставание» к незнакомым женщинам на улице. Отмечал, что в последнее время его преследовала навязчивая мысль и желание совершить с женщиной куннилингус (возбуждение половых женских органов ртом). Был уверен в неестественности этого желания, считал его «извращенным», признаком происходящего «внутреннего разложения». Указывал также на необычность некоторых ощущений перед совершением изнасилований, которые сравнивал с состоянием пробуждения, когда «пытаешься вспомнить сон», терял ощущение реальности. Тут же говорил, что такие состояния не всегда сопровождали возникновение желания, после реализации которого постоянно испытывал чувство стыда и раскаяния.

Несмотря на кажущееся подтверждение идеи о гипермаскулинной модели садизма, данная концепция представляется все более сомнительной в свете целого ряда исследований, указывающих на недостаток у садистов именно маскулинных (мужских) характеристик, причем на всех уровнях личности – от самосознания до поведения. Одним из первых на это обратил внимание Р. Бриттейн⁷, который подчеркнул «женоподобный оттенок» личности сексуальных убийц. П. Фольк и его соавторы⁸ считают изнеженность одной из характерных черт личности насильников, которые в социальной среде занимают подчиненное положение. По их мнению, для них свойственно постоянное ощущение собственной неполноценности, что порождает полоролевую фрустрацию, т. е. нарушение возможности исполнения сексуальной роли. Элементы же садизма в их действиях осуществляются в целях

⁷ Brittain R. The sadistic murder. – Med. Soi. Law. – 1970, Vol. 10. – P. 198–207.

⁸ Volk P. et al. Цит. по: Старович З. Судебная сексология. – М., 1991.

самоутверждения в мужской половой роли. И, наконец, наиболее определенно высказались Р. Ланжевин с соавторами⁹, указавшие на характерное для большинства садистов нарушение половой идентичности, проявляющееся в половой индифферентности (неопределенности) или фемининных («женских») тенденциях. В некоторых же случаях наблюдается истинная фемининная ориентация, сходная с таковой у транссексуалов, т. е. у лиц с женским половым самосознанием.

Одним из примеров яркого сочетания трансформации полоролевого и садистического поведения является Федор Басманов, придворный палач и любимец Ивана Грозного, с которым он находился в интимной связи. Историки описывают его склонность к косметике, а Алексей Константинович Толстой в «Князе Серебряном», описывая встречу героя с Басмановым, приводит бахвальство последнего своими «собольими бровями», «шелковыми волосами» и «девичьими руками», не отрицающего свои пляски в женском летнике перед царем и тут же предлагающего различные жестокие забавы.

Это лишний раз свидетельствует о том, что основой любой парафилии, в том числе садизма, является патология тех функций, которые связаны с половыми различиями, т. е. с половым диморфизмом.

Используемые при описании любых проявлений сексуальности и напрямую связанные с садизмом и мазохизмом категории активности-пассивности, маскулинности-фемининности являются в определенной степени синонимами и производными от полового диморфизма в целом. Отличаются эти категории лишь тем, что характеризуют различные сферы и структуры личности.

Идея полового диморфизма была угадана З. Фрейдом и получила развитие в концепции врожденной бисексуальности, т. е. изначальном сосуществовании элементов женского и мужского, которая постулирует ее в качестве одного из главенствующих факторов, от которого зависит формирование не только нормальных, но и извращенных форм сексуальности. Бисексуальность при этом является не только одной из составляющих личности, но и определяет ее врожденные (конституциональные) особенности. Кроме того, он считал, что при неполноценности защитных реакций (например, реакции вытеснения) эти же конституциональные признаки могут проявляться и как симптомы какого-либо заболевания. Бисексуальная природа человека отражается на всех этапах онтогенеза, в каждом из которых сочетаются противоречивые пассивные и активные тенденции.

З. Фрейд, изучая клинику неврозов, пришел к выводу, что становление зрелой сексуальности происходит в несколько этапов.

В детской сексуальной жизни он выделил «зачатки организации сексуальных компонентов влечений». По его мнению, временем расцвета детской сексуальности является период от 2 до 5 лет. В это время генитальные зоны еще не приобрели своего значения, и поэтому этот период был назван прегенитальным. Первоначально преобладает оральная эротика: сексуальная деятельность не отделяется от принятия пищи, а цель влечения состоит в поглощении объекта. В первые 1,5 года жизни ребенка объектами фиксации либидо (полового влечения) являются процессы сосания и грызения, а эрогенными зонами – рот, губы, язык, щеки и органы обоняния. Агрессивные тенденции, которые проявляются на данном этапе, называются оральными и выражаются в грызении, кусании и крике ребенка. Садистические влечения заключаются в поедании пищи (таким образом происходит уничтожение внешнего объекта влечения). Согласно Фрейду, остаток этой фазы можно видеть в сосании, при которой сексуальная деятельность, отделенная от питания, отказалась от постороннего объекта ради объекта на собственном теле.

⁹ Langevin R. et al. Sexual sadism: Brain, Blood and Behavior. In: Human Sexual aggression. – An. New York Ao. Soi. – N.Y., 1988. – P. 172–182.

Следующей, второй прегенитальной организацией является «садистически-анальная», характеризующаяся преобладанием садистических влечений и анальной эротики. Она имеет место в возрасте от 1,5 до 3 лет. Объектом фиксации либидо является акт дефекации или задержка экскрементов. Ребенок получает возможность манипулировать действиями окружающих, он, с одной стороны, борется с родительскими требованиями и не желает подчиняться им, а с другой – ждет от них похвалы за свое послушание. Так формируется двойственность, свойственная зрелой сексуальности. Активность проявляется в стремлении к овладению объектом со стороны мускулатуры тела. Одновременно при этом эрогенная слизистая оболочка кишечника проявляет себя как орган с пассивной сексуальной целью. Фрейд отмечал, что этот ранний расцвет инфантильной сексуальной жизни включает в себя также и выбор объекта влечения со всей его богатой душевной деятельностью, именно поэтому данный период приходится считать самым значительным предтечей позднейшей сексуальной организации.

Дальнейшей фазой психосексуального развития является фаллическая (от греч. phallos – мужской половой орган) – в возрасте от 3 до 5 лет. Преобладающей эрогенной зоной становятся гениталии. На этом этапе дети начинают мастурбировать, у них появляются сексуальные фантазии о родителе противоположного пола. Именно на этой фазе в результате сложного процесса отождествления происходит выбор объекта сексуального влечения. Возникает так называемый Эдипов комплекс. У мальчиков очень рано обнаруживается объектная привязанность к матери, берущая свое начало от материнской груди и являющаяся примером объекта по типу опоры. При этом отцом мальчик «овладевает» при помощи отождествления. Эти отношения сосуществуют параллельно до тех пор, пока не осознается тот факт, что отец является помехой для сексуальных влечений к матери. Отношение к отцу становится враждебным, возникает желание его устранить и заменить собой для матери. Тем не менее, отношение к отцу противоречиво: одновременно мальчик питает к нему и нежные, и враждебные чувства. В норме при разрушении комплекса Эдипа мальчик отказывается от объектной привязанности к матери, вместо нее возникает усиление отождествления с отцом. Такой итог позволяет сохранить нежное отношение к матери. Благодаря изживанию Эдипова комплекса мужественность характера мальчика укрепляется. Для девочки исход ситуации должен заключаться в усилении ее отождествления с матерью, укрепляющей женственность характера. З. Фрейдом высказывалось предположение о том, что отождествление с отцом или матерью зависит от относительной силы задатков того или иного пола у ребенка. Таким образом, бисексуальность «вмешивается» и в судьбу Эдипова комплекса.

В оральной фазе при сосуществовании эротического влечения и стремления к смерти чувство голода постоянно преследует ребенка, поэтому он начинает сосать свой палец или край подушки. В подобном случае во время анальной фазы ребенок наказывает своих родителей, пачкая одежду экскрементами или намеренно задерживая кал. В фаллический период у ребенка возникают фантазии о разрушении объектов своих привязанностей, возникает интерес к игрушкам и к их внутренностям. Если психический аппарат ребенка не справляется с переработкой стимулов окружающей реальности, то либидо не проявляется вовсе, но продолжает свою работу «внутри» ребенка, в психике которого преобладают «злые» образы. Развивается «первичный» мазохизм. Таким образом происходит слияние либидо и влечения к смерти – танатоса, которое лежит в основе всех сексуальных извращений. Садистическое влечение формируется позднее, в период полового созревания, то есть тогда, когда необходимо направить либидо на объекты другого пола. Тогда вместе с либидо привлекается и танатос.

Гипотезу о догенитальных влечениях дополняет теория о так называемых сексуальных ограниченных влечениях, таких как скоптофилия (подглядывание), эксгибиционизм (обнажение), мазохизм и садизм. Они занимают такое же место в теории сексуальности

Фрейда, как и догенитальные сексуальные влечения, имеющие более тесную связь с различными конкретными зонами. Объединение и подчинение ограниченных сексуальных влечений, что характерно для зрелой генитальной организации, в раннем детстве невозможно. Как известно, малолетний ребенок получает удовольствие как от обнажения своего тела, особенно половых органов, так и уже в более старшем возрасте при разглядывании половых органов других лиц, при жестоком обращении с другими людьми или животными. Фрейд подчеркивал, что те дети, которые отличаются особой жестокостью, вызывают подозрение в интенсивной и преждевременной сексуальной деятельности со стороны эрогенных зон. Это несет с собой опасность, что связь жестоких влечений с эрогенными окажется позже в жизни неразрушенной.

Таким образом, окончательная, зрелая сексуальность должна быть связана как с догенитальными, так и с ограниченными влечениями, которые подчиняются ей и подвергаются сублимации, то есть их энергия как бы переводится на что-то иное, используется для несексуальных побуждений.

При нормальном развитии сексуальности в собственно генитальную или фаллическую стадию завершается выбор объекта и цели сексуального влечения.

В садистическом сексуальном поведении всегда отражается взаимодействие садистического и мазохистического влечений, которые постоянно выступают рядом и являются разными сторонами одной медали. При этом мазохистическое влечение чаще всего оказывается ведущим и мотивирует формирование садистического поведения, которое и выглядит как утрированное, патологическое, гипермаскулинное.

Рассмотрим, например, динамику становления садистического влечения на одном из наиболее типичных наблюдений.

З., 34 года, обвинялся в изнасилованиях и убийствах.

Мать после его рождения лечилась в психиатрической больнице. У него до 19 лет наблюдался энурез. В возрасте 9 лет перенес травму головы с потерей сознания. Рос возбудимым, обидчивым, раздражительным, часто наказывался родителями и даже якобы «сажался на цепь». В школе учился удовлетворительно, но часто нарушал дисциплину. В возрасте 16 лет был осужден за угон автотранспортного средства и попытку кражи. В период отбывания наказания его неоднократно принуждали к оральным и анальным гомосексуальным актам. Освободившись раньше срока, в период лечения в больнице в состоянии опьянения учинил хулиганские действия и вновь был осужден. В возрасте 19 лет он нанес ножевое ранение, от которого потерпевший скончался, и З. был осужден на 10 лет лишения свободы. Отбывая наказание, имел 42 взыскания и выговора, неоднократно водворялся в штрафной изолятор, зарекомендовал себя вспыльчивым, не способным противостоять чужому влиянию. Употреблял наркотики, установил постоянное сексуальное партнерство с одним из осужденных, испытывая к нему влюбленность, ревновал его, с удовольствием слушал рассказы партнера об отношениях с женщинами. При общении с ним прибегал к орально-генитальным и анальным половым актам как в пассивной, так и в активной формах. Однажды, будучи на свидании с родителями, услышал доносящиеся из соседней комнаты крики женщины, сначала решил, что ее бьют, а затем явился свидетелем полового акта, во время которого женщина стонала и вскрикивала. В дальнейшем постоянно вспоминал увиденное, стал при онанизме представлять «извивающуюся» женщину. Освободившись в возрасте 29 лет, женился. В первый год половая жизнь была практически ежедневной, однако удовлетворения, несмотря на происходившее семяизвержение, не получал. Раздражало, что она не желала прикоснуться к половому члену, во время полового акта молчала, «взгляд был стеклянный», хотел взаимной ласки. В то же время хотел «полностью принадлежать» женщине. Стал общаться с проститутками, с которыми прибегал к фелляцио и куннилингу. Около трех месяцев прожил с 50-летней женщиной, в интимной близости с которой использовал оральные и аналь-

ные формы секса. Получал большее удовлетворение, особенно при оргазме партнерш, когда они его даже царапали, семяизвержение обычно наступало, когда они постанывали. При онанизме представлял, как его партнерша из последних сил, в истоме умоляет: «Милый, я больше не могу». Иногда вместо акта мастурбации использовал различные предметы (молоток, лампочки, шланги, клизмы), которые, обернув в целлофан, заталкивал себе в задний проход. В эти моменты представлял себя в роли женщины, которой так же больно, не обращал внимания на появление крови. Осуждался на 15 суток за драку, на работе появлялся в нетрезвом виде, опаздывал и прогуливал. С 32 лет проживал у сожительницы, имеет от нее дочь. Однако и она отвергала предпочитаемые им способы интимной близости, настаивать было «стыдно». Впоследствии одна из знакомых З. сообщила, что он в состоянии опьянения становился агрессивным, ничего не помнил, однажды в постели пытался ее «задушить без причины».

Обвинялся в изнасиловании двух взрослых женщин и несовершеннолетней, которых задушил, в нападении на Х., которую ударил монтировкой, однако ей удалось убежать, а также в нападении на Ц., которой нанес удары по лицу, угрожал ножом, тащил к мотоциклу, после ее криков о помощи убежал.

При обследовании в Институте им. В.П. Сербского электроэнцефалографическое исследование биопотенциалов головного мозга выявило диффузные изменения органического характера.

При беседе с психиатрами был несколько обстоятелен, вязок, жаловался на головные боли, усиливающиеся при перемене погоды. Говорил, что в сложившейся ситуации «лучше с ума сойти, чем думать об этом, поэтому и бьюсь головой о стенку». Свое первое преступление объяснял состоянием алкогольного опьянения и плохим настроением в тот момент. Рассказывал, что все тогда произошло достаточно случайно, желание завладеть встретившейся девушкой возникло неожиданно. Подробно излагал обстоятельства совершенных им правонарушений до момента ласк, заявлял, что о дальнейших событиях не помнит, «она была еще теплая», когда понял, что жертва умерла. Испытывая страх перед разоблачением, после задержания «в душе был рад», что не совершит больше подобных поступков.

Для объяснения подобной динамики развития сексуального влечения необходимо учитывать закономерности индивидуального развития. Описанная выше двойственность пассивных и активных начал, пронизывающая все этапы формирования личности, приводит к определенному соотношению этих начал у каждого человека. По мнению А. Адлера, в каждом человеке существует «ощущение слабости (феминности) и маскулинная тенденция преодолеть ее, и с этой точки зрения все мы являемся психологическими “гермафродитами”. Биологические стрессы и преодоление инстинктивных влечений приводят к ощущению незначительности собственной роли и могут сравниваться с тем, как индивидуумы реагируют на чувство неполноценности. Решающей является реакция “маскулинного протеста”. При этом маскулинная позиция определяется в нашей культуре как позиция силы, а феминная – слабости»¹⁰.

В своих более поздних работах Фрейд обозначил проблему разделения на два пола как одну из наиболее травматичных для человеческого существования. Необходимость решения для себя этой проблемы определяет все развитие индивида, и сущность ее заключается в том, что оба пола всегда завидуют друг другу и хотят быть обоими полами. Жан Лакан писал, что в восприятии своего пола всегда кроется внутреннее противоречие, у человека обычно существует несогласие с неизбежностью принятия этих атрибутов перед лицом угрозы возможного их лишения. В отношении к факту разделения на два пола даже такой механизм

¹⁰ Adler A. Der Psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose. – Fortschritte der Medizin. – 1910. Vol. 28. – P. 486–493.

психологической защиты как вытеснение оказывается слишком слабым, и человек вынужден прибегать к отрицанию¹¹.

Единственной непосредственной причиной возникновения всех процессов защиты З. Фрейд считал сигнал тревоги, возникающий в системе «Я». В качестве первичного источника тревоги он рассматривал ощущения, которые возникают в младенчестве и раннем детстве и характеризуются избытком психического напряжения. При этом источник неприятных ощущений может находиться как во внешнем мире, так и в самом организме. Среди внутренних источников на первом месте, по мнению Фрейда, стоят инстинктивные влечения: агрессивные и сексуальные. В современной психоаналитической литературе существует предположение о том, что все инстинктивные влечения, играющие роль главных причинных факторов в возникновении внутриспсихического конфликта, происходят от сексуальных агрессивных влечений.

Таким образом, инстинктивные влечения, связанные с ними представления и эмоциональные проявления, воспоминания и фантазии являются основными мишенями процессов защиты.

Фрейд отмечал, что никакие модели поведения не бывают целиком вызваны ни агрессивными, ни сексуальными влечениями. Эти два коренных влечения смешиваются, и при этом сексуальные влечения находят выходы, имеющие элементы агрессивности, и наоборот.

Когда догенитальные и ограниченные влечения обладают излишним запасом психической энергии и не могут получить выход в виде «зрелой» сексуальности или подвергнуться сублимации (трансформации), используют понятия первичного вытеснения, фиксации и регрессии. Те инфантильные и ограниченные влечения, которые вследствие первичного вытеснения и фиксации не смогли влиться в «зрелые» либо подвергнуться сублимации, возрождаются через регрессию вследствие конфликтов, сосредоточенных вокруг «зрелых» влечений. Фрейд считал, что когда инфантильные и ограниченные влечения появляются при половых девиациях, важными факторами в их возникновении являются защитные механизмы, направленные против ощущений тревоги и опасности (в первую очередь – боязни кастрации), вызываемых идеями об удовлетворении зрелых сексуальных влечений. Страдающий извращениями субъект при нарушении у него генитальной сексуальности под влиянием боязни кастрации регрессирует к тому компоненту своей инфантильной сексуальности, который однажды в детстве вызвал у него ощущение безопасности или спокойствия.

З. Фрейд определял мазохизм как садизм, направленный на собственную личность, временно замещающую сексуальный объект. Согласно его точке зрения, мазохистические установки – это временно сдерживающие барьеры от агрессивного влечения, направленного пока не вовне, а на себя. Но для реализации этой установки необходим конфликт между «Я» и сверх-«Я», результатом которого являются аутоагрессивные тенденции. Таким образом, следует говорить не о первичности садистических установок, а о сосуществовании некоторого баланса между садистическими и мазохистическими влечениями (по аналогии с «активностью-пассивностью» личности).

В данном пункте происходит столкновение с одним из коренных вопросов, связанных с проблемой парафилий, – соотношении садистических и мазохистических начал и первичности каждого из них. В этой связи характерно фрейдовское понимание мазохизма, которое претерпело существенные изменения с момента выхода его «Трех очерков по теории сексуальности» (1905). В этой работе он придерживался взгляда на мазохизм как на частное влечение, всего лишь дополняющее садизм и означающее некий регрессивный процесс обращения влечения с объекта на «Я». Однако уже в 1920 году, в книге «По ту сторону удовольствия» Фрейд исправил свое первоначальное понимание, допустив возможность

¹¹ Lacan J. Le seminaire. Livre III Les Psychoses. – Senil, 1981. – P. 21, 95, 199.

мазохизма как первичного влечения. Позднее его взгляд становится все более определенным, и первичный мазохизм, «внутренняя манифестация влечения смерти» берется уже как данность. Особенно очевидной правомерность такой трансформации понимания мазохизма выглядит в свете современных представлений об онтогенетических основах половой дифференцировки, нарушение которой может привести только к умалению маскулинных тенденций на всех уровнях жизнедеятельности организма. Поэтому и на уровне психосексуальных ориентаций скорее всего первоначальные девиации, пусть даже не в явной форме, будут развиваться на мазохистических основаниях, наиболее удаленных от маскулинных структур сексуального влечения.

Согласно современным психоаналитическим взглядам, мазохизм рассматривается как продолжение существующего чувства вины. Вероятно, что люди, испытывающие наслаждение от боли, таким образом стремятся к повторению раннего опыта общения с матерью. Подобное стремление доминирует у них над более зрелыми реакциями на объект влечения. «Если мазохист стремится к боли, то он делает это не ради боли самой по себе, а вследствие боли, представляющей личный бессознательный объект любви, который однажды уже причинил боль». М. Кхан рассматривает мазохизм как особый вариант защиты «Я» от «психической боли, которая угрожает его уничтожить». При этом любой мазохистический акт должны как бы наблюдать 3 свидетеля: сам субъект, объект, причиняющий боль, и часть «Я» субъекта, которая регистрирует и переживает болезненный аффект.

Х. Томас описывал чувство стыда как примитивную психологическую реакцию «на отказ от себя». Сопутствующее стыду психическое напряжение может выливаться в акты «грубого насилия». Проявления такого поведения зависят от степени ущербности «Я», «значимости» свидетелей отвержения и от того, отрицается ли целое «Я» или только часть его.

Концепция «отвержения» в детстве лиц с парафилиями, а также лиц с агрессивными формами поведения возникла впервые в русле психоаналитических изысканий и в последующем нашла основательное подтверждение. Д.Н. Исаев и В.Е. Каган отмечают, что у «отверженных» детей блокируется потребность в подражании образцам отца или матери, вследствие чего они хуже других усваивают образцы половых ролей. При искажении же нормальных образцов поведения родителей формируется отрицательное отношение ко всему мужскому, либо усваивается деформированное представление о мужественности. В исследовании Бандуры и Уолтерса было обнаружено, что мальчики, чьи родители применяли суровые меры воспитания, были высокоагрессивны во взаимодействии со сверстниками и взрослыми вне дома, хотя проявляли мало прямой агрессии по отношению к родителям. Другое исследование показало, что 71 % мужчин, избивающих своих жен, сами в детстве являлись свидетелями грубости в отношениях между родителями, значительная часть из них сами в детстве были объектами агрессии родителей. При этом три четверти опрошенных с детского возраста усвоили, что мужчина занимает лидирующее положение в семье.

Вместе с тем интерпретация этих фактов как свидетельства чисто социальной зависимости агрессивного поведения преждевременна. Так, Стюарт и Леблой при обследовании 122 мальчиков по шкалам агрессивности и антисоциального поведения обнаружили корреляцию с теми же особенностями у их биологических отцов, хотя многие из них с раннего детства воспитывались отчимами. На основании этого они пришли к выводу, что агрессивность сыновей может быть обусловлена генетической передачей этих черт наряду со средовыми влияниями. Подобная корреляция агрессивного поведения ребенка с жестоким, часто насильственным поведением отца была выявлена и в других исследованиях.

Существуют работы, посвященные влиянию отсутствия отца в семье на развитие агрессии у мальчиков и на полоролевою социализацию детей обоего пола. Показано, что в семьях без отца основы мужских черт у сыновей возникали медленнее, и мальчики были менее агрессивными и более зависимыми. Отсутствие отца затрудняет усвоение поло-

вых ролей и соответствующего стиля поведения, в связи с чем такие мальчики чаще других гипертрофируют свою маскулинность, проявляя агрессивность, грубость, драчливость. Наличие связи между отсутствием или слабостью отцовского начала и гипермаскулинным или агрессивным поведением демонстрируют и межкультуральные исследования.

Согласно психоаналитической концепции, у лиц с сексуальными извращениями отмечается регресс (возврат) к изначальным инфантильным формам сексуальности, что может быть результатом дизонтогенеза или задержки развития. С точки зрения психоанализа, при этом происходит возвращение на те этапы формирования сексуальности, которые в раннем детстве вызывали ощущения безопасности и удовольствия. Нетрудно заметить, что основной стержень фрейдовской теории возникновения парафилий является онтогенетическим, поскольку основывается на учете нарушений развития как главном условии их формирования. Изложение фрейдовских воззрений на причины парафилий может показаться излишне подробным, тем более, что часть его концепций на сегодняшний день имеет больше исторический интерес. Однако оно вполне уместно, поскольку до сих пор они не только оказывают сильное влияние, но и являются основой многих современных теорий.

Тем не менее, нельзя сказать, что в настоящее время создана целостная теория, объясняющая не только причины возникновения парафилий, но и особенности клинического проявления этих форм аномалий сексуальности. Одна из особенностей сексуальных перверсий заключается в возможности самых различных сочетаний разных видов парафилий. Поэтому даже внешне сходные и однородные виды поведения могут обслуживать совершенно разные влечения, точно так же, как внешне отличающиеся поведенческие программы могут означать одно и то же нарушение влечения. Приводимый ниже случай это прекрасно иллюстрирует.

С., 1966 г. р., в Центр поступил 05.09.91 г. Обвинялся по ст. ст. 145 ч. 2, 144 ч. 2, 3, 89 ч. 3 УК РСФСР в грабеже, кражах государственного и личного имущества.

Родился в срок, рос и развивался нормально. Со 2 по 19.11.74 г. находился в Московской детской клинической больнице № 1 с диагнозом «правосторонний острый синусит». По словам сестры, был уравновешенным, спокойным, никогда не срывался на крик, но был немного настырным и упрямым. Если что-то не получалось, он несколько раз мог попробовать сделать или забрасывал совсем, «но никогда не психанет, не вспылит». Школу начал посещать с семи лет, учился удовлетворительно. Сам себя характеризует в тот период как вспыльчивого, драчливого, отличался повышенной ранимостью и обидчивостью. В подростковом возрасте стал прогуливать занятия: интерес к учебе пропал после того, как учительница схватила его за карман рубашки и порвала ее. Контакт со сверстниками устанавливал легко; по словам сестры, с одноклассниками у него в основном были нормальные отношения, к нему хорошо относились девочки в классе, и «он о них всегда хорошо отзывался». В 7 классе упал с лестницы, отмечалась кратковременная потеря сознания, однако за медицинской помощью не обращался. Через год перенес корь без осложнений. Половое влечение пробудилось в 15 лет. Семяизвержение впервые произошло в 16 лет во время первого полового акта с 18-летней женщиной по ее инициативе в классе техникума. После этого стал интересоваться половой жизнью, пробовал подглядывать за женщинами в душе. После окончания 8 классов поступил в механический техникум, в это же время начал заниматься каратэ. Несмотря на то, что любил черчение, в техникуме проучился год. Учебное время проводил в компании сверстников с асоциальным поведением, начал употреблять спиртные напитки, с целью опьянения принимал таблетки седуксена, элениума, тазепама, делал внутривенные инъекции промедола, экстракта мака. В 16 лет стал работать слесарем на Московском нефтеперерабатывающем заводе, одновременно учился в вечерней школе. В этот же период увлекся работой с часами, собирал и разбирал их дома. На работу часто не выходил, время проводил в компании сверстников, занимался перепродажей импортных товаров. В 1983 г. был привлечен

к уголовной ответственности за совершение квартирной кражи, судебно-психиатрической экспертизе не подвергался, и 16.11.83 г. по ст. 144 ч. 3 УК РСФСР он был осужден на 3 года лишения свободы с отсрочкой приговора на 2 года. В 17 лет в состоянии алкогольного опьянения ночью в лифте изнасиловал незнакомую девушку, в связи с чем якобы возбуждалось уголовное дело, которое затем было прекращено по инициативе потерпевшей. В том же году, по его словам, в состоянии алкогольного опьянения участвовал в неудавшейся групповой попытке изнасилования. В 18 лет ночью на улице совершил половой акт с незнакомой женщиной старше его, находившейся в состоянии алкогольного опьянения и не оказавшей активного сопротивления. С 18 лет онанировал примерно 1 раз в неделю.

В 19 лет впервые совершил кражу женского белья с балкона первого этажа. Рассматривая в подъезде похищенные им трусы и бюстгальтер, почувствовал, как улучшилось настроение, возникла эрекция. Женат с 20 лет на ровеснице, имеет 6-месячную дочь. Браку предшествовал период знакомства и ухаживания около 2 лет. По словам жены, с самых первых дней знакомства он был скромный и даже застенчивый, безотказный, за время совместной жизни дома не было «ни скандалов, ни грубости с его стороны».

Половая жизнь с женой регулярная, взаимно удовлетворяет, в течение 2 месяцев после заключения брака – ежедневно до 2 раз в сутки, затем – примерно 1 раз в неделю с использованием различных позиций и сохранением регулярных половых контактов вне брака с той же частотой. Во время полового акта использовал различные позиции, предпочитая, чтобы партнерша оставалась в нижнем белье. Максимальный сексуальный экстаз – 4, в 23 года вне брака, после совершения кражи женского белья, завершившейся мастурбаторным актом. Во время половых актов вне брака всегда представлял различные предметы женского туалета, в противном случае не мог достигнуть оргазма, и сношение носило затяжной характер. Иногда просил партнершу во время полового акта специально надеть нижнее белье. Во время полового акта с внебрачной партнершей в верхнем вентродорзальном положении однажды случайно причинил ей боль. После этого, несмотря на ее возражения, старался проводить коитус с ней именно в этой позиции, желая повторения ее реакции на боль, которая ему понравилась.

С 20 лет стал регулярно, примерно 1 раз в месяц, совершать кражи женского белья в квартирах, банях, бассейне. Белье складывал в гараже, куда приходил почти ежедневно и онанировал, разглядывая белье. С 22-летнего возраста стал задумываться о своем влечении к женскому белью, считал его ненормальным, неестественным, пытался бороться с ним. Для того чтобы отвлечься, усиленно занимался спортом, накачивал мускулы, применяя анаболические гормональные препараты. Старался отвлечься работой, избегал посещения отделов магазинов, в которых он мог увидеть предметы женского туалета, т. к. при виде их возникало половое возбуждение. Старался все время быть «на людях», никуда не ходить без жены. Однако больше чем 1 месяц сдерживать себя не мог. Ухудшалось настроение, появлялась вспыльчивость, раздражительность, не мог избавиться от мыслей о белье и от воспоминания о том, как совершал кражи белья, а затем онанировал, рассматривая его. В таком состоянии совершал очередную кражу. При взгляде на белье возникала эрекция, половое возбуждение. Завладев бельем, чувствовал облегчение, шел в гараж, где, совершив онанистический акт, рассматривая украденное белье, полностью успокаивался, у него улучшалось, настроение, он становился веселым, добрым. В настоящее время мастурбация 2–3 раза в неделю с периодическими экстазами до 3 раз в сутки. Во время мастурбаторных актов представляет сверстниц и женщин немного старше себя по возрасту одетыми в нижнее белье: трусы, бюстгальтер, пояс для чулок, чулки. В последние годы онанировал в гараже, рассматривая хранившиеся там предметы женского туалета, которые он похищал.

С 25.12.86 по 8.12.88 гг. служил в армии, в строительных войсках. Во время службы злоупотреблял алкоголем, курил анашу. Был уволен в запас на общих основаниях. После

увольнения продолжал работать слесарем, за время работы показал себя «только с положительной стороны», замечаний не имел, был общительным, пользовался уважением в коллективе, неоднократно поощрялся администрацией завода за выполнение производственных показателей. По отношению к близким, друзьям и родственникам оставался добрым, скромным, ласковым. В своих показаниях мать испытуемого утверждала, что «на протяжении всех 25 лет у нее к нему почти никогда не было претензий». Очень любил свою маленькую дочь, занимался с ней. Всегда помогал жене в работе по дому, все делал «точно, аккуратно» и «ругал за небрежность». Жена испытуемого видела в его сумке чужие купальники, бюстгальтер, носовой платок. На ее вопрос об их происхождении испытуемый отшучивался. Жена заметила также, что примерно с августа 1990 г. испытуемый стал скрытным, перестал пускать жену в гараж, вечером часто уходил в гараж под предлогом кормления кроликов, в связи с чем иногда между ними возникали ссоры.

Как видно из материалов уголовного дела, испытуемый обвиняется в совершении ряда (в общей сложности – шести) краж денег, разнообразных вещей, среди которых каждый раз были предметы женского туалета, в основном нижнее женское белье. Кроме того, он обвиняется в двух избиениях незнакомых ему женщин на территории завода. Согласно показаниям одной из потерпевших, напавший на нее был в противогазе, в руке держал дубинку. Когда она стала кричать, он приказал замолчать, ударил ее дубинкой по ногам и рукам, сломал ей левую руку, затем потребовал, чтобы она встала с пола, и ударил ногой в грудь. После каждого удара наблюдал за реакцией потерпевшей, как только она пыталась бежать, снова бил дубинкой по телу, голове, рукам и ногам. На вопрос, что ему нужно, ответил: «Вставай, пойдем наверх!». За неподчинение снова ударил дубинкой по голове. Согласно показаниям другой потерпевшей, напавший на нее за все время избиения ни сказал ни слова. Ударил сначала по плечу, бил кулаками и ногами по лицу и телу. После вопроса потерпевшей о том, кто ее избивает, неожиданно оставил ее и ушел. Во время следствия испытуемый давал подробные показания. Сообщил, что при виде женского белья испытывает сильное половое возбуждение, «онанирует и испытывает оргазм», свои правонарушения объяснял влечением к женскому белью. Избиение женщин объяснить не мог, заявлял, что все произошло «стихийно – даже не знаю, по какой причине». Во время проведения амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы он на вопросы отвечал по существу, инкриминируемые ему кражи объяснял влечением к женскому белью. Об избиении женщин говорил неохотно, утверждал, что не понимает, почему это сделал, заявлял, что на него «что-то нашло». При клиническом обследовании в Центре выявлено следующее.

Сексологическое обследование. Рост – 179 см, вес – 76 кг. ТИ – 1,85 (97), грудная клетка: обхв. – 95 см, поперечный диаметр – 30 см, продольный диаметр – 20 см. Ва – 40 см, Вс – 28 см, индекс Таннера – 92 (мезоморфный тип), К-Е-99,4 (нормостеник). Жерико – по мужск. типу. Оволосение лобка – по мужск. типу, лица – скудное. Бреется с 17 лет, в настоящее время 2 раза в неделю станком. Гипертрихозов нет. Половые органы сформированы по мужскому типу, правильно. Половой член – 14/11 см. Крайняя плоть длинная, узкая, не пропускает головку (фимоз). Мошонка складчатая, пигментирована. Яички: лев. – 4/6 см, прав. – 4/5 см.

СФМ: 434/344/433/4-11/11/10/5-36. Неврологическое состояние. Асимметрия лицевого черепа. Легкий двусторонний экзофтальм. Правая глазная щель больше, чем слева. Несколько не доводит глазные яблоки кнаружи, слегка отстает левое глазное яблоко при взгляде вверх. Сглажена правая носогубная складка, девиация языка вправо. Сухожильные рефлексy рук умеренной живости, коленные справа больше, чем слева, с легким расширением рефлексогенных зон, ахилловы – слева больше или равны, чем справа, живые. Брюшные рефлексy умеренной живости. Слабоположительный симптом Маринеску-Радовичи с обеих сторон, больше слева. В позе Ромберга устойчив. Акроцианоз, дистальный гипергид-

роз. При ЭЭГ-исследовании выявлены нерезкие диффузные изменения биоэлектрической активности, эпизодов нет. На эхоэнцефалограмме смещение срединных структур не выявлено.

Психическое состояние. Подавлен, вял, настроение снижено. Сидит, склонив туловище назад, положив ногу на ногу. Контакт доступен, на вопросы отвечает по существу, при беседе на лице иногда появляется полуулыбка. Заявляет, что безразличен к результатам экспертизы, однако подробно описывает свои переживания, которые считает болезненными. В то же время считает себя психически здоровым, хотя при расспросе сообщает, что ему свойственны раздражительность и вспыльчивость, признает, что долго помнит обиды, даже незначительные. Так, рассказывает, что в шестилетнем возрасте девочка более старшего возраста испачкала его губной помадой, после чего испытал «злобу, обиду», думал о том, как отомстит ей, когда вырастет. Утверждает, что после армии, случайно встретив на улице, сильно избил ее. Сообщает о частых фантазиях, в которых жестоко расправляется с обидчиком в случае, если не может ему отомстить. Рассказывает о неудачной попытке полового акта в 18-летнем возрасте с более старшей женщиной, которая его «оскорбила и унизила», за что была им избита. Однако этот факт не связывает с возникновением влечения к женскому белью, хотя примерно в этот же период времени, возвращаясь домой от невесты, увидел висевшее на балконе женское белье и украл его. Рассматривая его, ощутил сильное половое возбуждение. Сообщает, что в последующем частота краж женского белья составляла раз в два месяца, а иногда и каждый месяц. При этом нарастало раздражение, настроение падало. Утверждает, что до тех пор, пока его желание не было осуществлено, не мог ни о чем думать, в том числе об опасности наказания. Но как только чужое белье оказывалось в руках, сразу успокаивался. Говорит, что через некоторое время похищенное женское белье уже не вызывало прежнего возбуждения, и он его выбрасывал. Говорит, что при половой близости значительно, до получаса увеличивается длительность полового акта, для достижения оргазма представлял женское белье, иногда заставлял облачаться в белье своих партнерш. В то же время заявляет, что всегда считал свою жену идеальным сексуальным партнером и имел с ней нормальные половые акты. Утверждает, что скрывал от всех свое необычное влечение, тяготился им, неоднократно давал себе «зарок» не трогать белья, собирался обратиться к врачу, чтобы избавиться от этого влечения, но боялся и стеснялся рассказывать о своих сексуальных расстройствах. Признает обвинения лишь в кражах, совершение которых объясняет влечением к белью, утверждает, что остальные вещи брал с целью сокрытия истинных причин краж в случае поимки. Говорит, что, совершив кражу из бани, вновь приехал на то же место в надежде, что его задержат работники милиции. По его словам, он не сопротивлялся задержанию, после чего возникло чувство облегчения, и он решил обо всем рассказать следователю. Высказывает сожаление о том, что рассказал о своем влечении, т. к. считает, что теперь об этом будет знать весь город. Сообщил, что в Центре также при воспоминаниях о совершенных кражах белья и последующих онанистических актах в гараже у него возникает половое возбуждение, эрекция и он прибегает к онанизму. Сообщая об эпизодах насильственных половых актов, о попытке группового изнасилования, категорически отрицает инкриминируемые ему избиения незнакомых женщин, ссылаясь на угрозы следователя в адрес его жены и его самого. В отделении поведение его было ровным, к персоналу ни за чем не обращался, днем много спал, читал, слушал радио.

При экспериментально-психологическом исследовании темп работы был несколько замедлен, отмечались нерезко выраженные колебания умственной работоспособности и внимания с общей тенденцией к утомляемости. Операциональная сфера мышления без существенных нарушений, свойственна тенденция к конкретности мышления, трудности оперирования отвлеченными понятиями. При исследовании личностной сферы результаты ММП1 оказались недостоверными из-за тенденции соглашаться с утверждениями психо-

патологического характера. Вместе с тем данные тестов Розенцвейга, Люшера-ЦТО, Роршаха, рисуночных методик свидетельствуют о свойственных испытуемому дисгармоничных особенностях. Эмоциональная неустойчивость, возбудимость, склонность к защитным личностным реакциям преимущественно внешнеобвиняющего характера сочетаются с тенденцией к подавлению и вытеснению отрицательных переживаний, уходу из конфликтных ситуаций. Стремление к самоконтролю выступает наряду с его трудностями, тенденцией к дезорганизации продуктивной деятельности и сниженной способностью нахождения конструктивных решений в эмоционально насыщенных обстоятельствах. Положительное ценностное отношение к себе, эгоцентричность, низкое чувство собственной вины и ответственности проявляются в сочетании с некоторой неуверенностью, пониженной активностью, негативной оценкой своего прошлого. Отмечаются косвенные признаки напряженности и конфликтности психосексуальной сферы.

Сложность феномена парафилий заставляет ученых при попытках его объяснения прибегать к привлечению не только клинических данных, но использовать иные области знаний – от этологических (науки и поведения животных) до этнографических и социологических.

Сексуальная агрессия: от животного к человеку

После возникновения эволюционной теории Ч. Дарвина появились и первые попытки объяснения аномального сексуального поведения с эволюционных позиций. Этому способствовали обнадеживающие результаты сопоставления сексуального поведения человека и животных, которые стали подвергаться направленной систематизации. Поскольку отправной точкой при этом являлось основополагающее понимание полового диморфизма как результата процесса эволюции, первыми обратили на себя внимание примеры инвертированного, т. е. свойственного другому полу, сексуального поведения.

Ч. Дарвин высказал мысль о том, что в каждом растении или животном имеются вторичные половые особенности противоположного пола. В последующем это положение было развито целым рядом ученых, которые, опираясь на факт «скрытого присутствия противоположных половых черт», утверждали, что бисексуализм – характерный и неотъемлемый признак высших позвоночных – животных и человека.

Еще в XIX в. появились и конкретные доказательства из мира животных. Так, Кельх (1834 г.) и Перогалло (1863 г.) сообщали о наблюдавшихся ими случаях гомосексуального и бисексуального поведения самцов жуков некоторых пород. А. Мачиоли (1883 г.) описывал гомосексуальные проявления у самок и самцов почтовых голубей. При этом самцы совершали гомосексуальные акты даже в присутствии самок. Он расценивал эти проявления как нарушение половой дифференциации в результате половой дегенерации. Он также сообщал о наблюдениях над самцами попугаев, которые при отсутствии самок в клетке в течение длительного времени совершали друг с другом половые акты. А. Молль (1897 г.) приводил описания овец и коз, которые обнаруживали признаки психосексуального гермафродитизма и проявляли как гомосексуальные, так и бисексуальные тенденции к особям своего пола.

Кирнан и Лидстон (1888 г.), оставаясь сторонниками эволюционной теории, утверждали, что низшие животные всегда остаются бисексуальными, а моносексуализм человека вырабатывается в результате филогенетической эволюции. Ж. Шевалье (1893 г.) высказал мысль, что сексуальные извращения возникают в результате нарушений эволюции дифференциации пола. П. Наке (1902 г.) выдвинул гипотезу о том, что в человеческом мозге существуют «двусторонние центры мужского и женского полового чувства», причем в процессе развития в норме один из этих пар центров (чаще гомосексуальный) исчезает, тогда как при врожденных дегенеративных признаках утрачивают свое значение гетеросексуальные центры, и половое влечение принимает гомосексуальный характер. Заалер (1912 г.) полагал, что биологическую основу гомосексуализма обуславливает перевес правого полушария мозга над левым. При всей кажущейся наивности этих концепций они во многом предугадали результаты дальнейших исследований. Приведем некоторые из них.

Для животных характерны некоторые типы половой инверсии, которая обычно проявляется в конфликтных ситуациях. Эти явления объясняют тем, что половое возбуждение у животных обоих полов усиливает тенденцию демонстрировать типичные акты полового поведения, характерного как для самцов, так и для самок, однако у самцов преобладают маскулинные реакции, а у самок – фемининные. Если же характерное для данного пола поведение наталкивается на какое-либо препятствие, то может проявиться поведение, свойственное другому полу. Причем проявления инверсии могут касаться не только полового, но и иных форм поведения. Так, у самок мышей и многих других видов млекопитающих наблюдается положительная корреляция между доминированием в агрессивных ситуациях и половым поведением, характерным для самцов.

Одним из наиболее ярких примеров инверсии полоролевого поведения человека может служить следующее наблюдение.

Е., 17 лет, с раннего возраста воспитывалась в детском доме-интернате. Родители злоупотребляли спиртными напитками. До подросткового возраста у нее эпизодически отмечалось ночное недержание мочи. Училась во вспомогательной школе слабо, окончила 8 классов. С детства по характеру повышено вспыльчивая, раздражительная. В связи с таким поведением направлялась в психиатрическую больницу, где ей был установлен диагноз – олигофрения. В период обучения с СПТУ систематически пропускала занятия, при посещении ничего не делала, мешала другим. Могла наброситься на мастера, нецензурно ругалась, притесняла сокурсниц. Бродяжничала, сделала стрижку «под мальчика», ходила в мужской одежде. Отличалась жестокостью, была «бурно деятельна», постоянно желала властвовать над окружающими. Бросала с этажа на головы прохожих различные предметы, ходила с ножом, грозила им, регулярно с применением насилия отбирала деньги. Однажды лезвием бритвы порезала живот однокурснице, в связи с чем повторно госпитализировалась в психиатрическую больницу. Выписана с диагнозом: «Задержка интеллектуального развития с психопатоподобным поведением и бродяжничеством».

В Институте им. В.П. Сербского обследовалась в связи с обвинением в открытом похищении у сокурсниц денег. Кроме того, она подвергла жестокому избиению своих сокурсниц, после чего заставила Б. лизать подошвы кроссовок, схватив за волосы, нюхать свои штаны между ног. Приказала ей лизать половые органы М., а Н. – лезть у ног М. и следить за исполнением. После этого заставила Б. сто раз затолкать палец в свои половые органы и затем облизать его. Раздевала всех троих донага, после чего показывала порнографические открытки, заставляя их принимать сходные позы. Ночью пригласила сигаретой щеки М.

При беседе при затрагивании интимных сторон ее жизни смущенно улыбалась, отворачивалась, опустив голову. Не скрывала своей вспыльчивости и раздражительности, «когда затронут», расценивала свои поступки как предосудительные. Подтверждала, что предпочитает проводить время в компании мальчиков, у которых «игры интереснее». Среди увлечений называла «металлический рок», из книг – рассказы про войну, любимое кино – «с драками». В отделении с другими испытуемыми бывала груба, цинична, «отрабатывала» приемы каратэ. В случае возникновения конфликтов становилась злобной, стремилась отомстить обидчику, при этом возникало подавленное настроение.

Данное наблюдение демонстрирует не только аналогию инверсного поведения у животных, но и отличия его у человека, у которого оно является следствием глубоких нарушений личности с расстройством в первую очередь самосознания и полоролевых стереотипов в целом.

Новейшие данные социобиологии влечений показывают отдельные социальные преимущества лиц с инверсией полового поведения, в частности, с гомосексуализмом. Оказалось, что в основе биологии гомосексуализма с пассивной ориентацией лежит особый альтруистический тип поведения. Х. Бадкок привлек внимание к малоизвестным этнографическим данным о специальном развитии гомосексуалов в архаических племенах, например, в племени мохавов. Выяснилось, что с помощью направленных изменений поведения еще беременной, особых ритуалов, воспитания, песен, танцев, трансвестных церемоний, прикосновений, обрядов и еды возможно воспитание и рождение женщиной гомосексуала, который затем становится шаманом. По существу, еще в утробе они выращивают гомосексуального ребенка. При этом разные типы гомосексуальной ориентации соответствуют разным типам шаманов. Сам по себе шаманский комплекс и сходные культуральные комплексы, например, в тайных мужских союзах, замкнутых группах, не могут быть вообще устойчивыми, если не содержат элементов гомосексуального поведения. Таким образом, гомосексуальное поведение и гомосексуальное влечение иногда не только не патологично, но в ряде случаев и необходимо для нормальных взаимоотношений групп, так как в основе гомосек-

суализма лежит биология доминирования и иерархии, регулирующая коммуникации у человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.